

ISSN: 2782- 1587

№ 4А (19), 2023 (online)

**ВОПРОСЫ
ДЕВИАНТОЛОГИИ**

ISSN: 2782-1587

ВОПРОСЫ ДЕВИАНТОЛОГИИ № 4А (19), 2023 (online)

Научный журнал основан в 2020 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель журнала – профессор Ю. А. Клейберг

Специализированный журнал по девиантологическим проблемам зарегистрирован в Национальном центре ISSN (URL: <http://kleyberg.ru/magazine>), включен в базу данных РИНЦ, имеет полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки: eLIBRARY.RU рег. № 2947 в рубрике «Список журналов, доступных для организации» (<https://www.elibrary.ru/titles.asp>). Индексирование журнала в РИНЦ осуществляется в соответствии с Лицензионным договором от 13.04.2021 г. № 139-04/2021.

Журнал расположен также на сайте www.kleyberg.ru

В журнале публикуются статьи по фундаментальным, прикладным и общественно значимым проблемам девиантологии, актуальные исследовательские психологические, философские, политологические культурологические, социологические, криминологические, медицинские, педагогические разработки, а также обзоры Конгрессов, конференций, рецензии монографий, учебников и учебных пособий и другие материалы.

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей и материалов несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора. Статьи рецензируются. Рукописи не возвращаются.

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях.

Ответственность за содержание статей и материалов несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Электронный адрес редакции:
yury.kleyberg@yandex.ru

© Клейберг Ю. А., 2023
© Авторы статей, 2023

Учредитель и главный редактор – Ю. А. Клейберг,

лауреат Государственной премии Правительства РФ в области образования и науки, академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор (Тверь, Россия).

Редакционная коллегия:

Демиденко Н. Н., академик МАО, д-р психол. наук, проф. (Тверь, Россия).

Козлов В. В., академик МАО, МАПН, президент МАПН, д-р психол. наук, проф. (Ярославль, Россия).

Котов-Дарти С. Ф., академик РАЕН, МАО, д-р юр. наук, проф. (Республика Гана).

Сиротюк А. Л., академик МАО, д-р психол. наук, проф. (Тверь, Россия).

Клейберг Б. Ю., чл.-корр. МАО, канд. юр. наук – ответственный секретарь (Тверь, Россия).

Научный совет журнала:

Акопов Г. В., академик МАО, Заслуженный деятель науки РФ, д-р психол. наук, проф. (Самара, Россия).

Арпентьева М. Р., академик МАО, д-р психол. наук, проф. (Калуга, Россия).

Баева И. А., академик РАО, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербург, Россия).

Баратов Ш. Р., д-р психол. наук, проф. (Ташкент, Республика Узбекистан).

Бахтин М. В., академик РАЕН, МАО, д-р филос., проф. (Рагуза, Италия).

Гилинский Я. И., академик МАО, д-р юр. наук, проф. (Санкт-Петербург, Россия).

Руденский Е. В., академик МАО, д-р социол. наук, канд. пед. наук, проф. (Новосибирск, Россия).

Суртаев В. Я., академик МАО, Заслуженный деятель науки РФ, д-р пед. наук, проф. (Ростов-на-Дону, Россия).

Тесленко А. Н., академик МАО, МАСР, д-р социол. наук, д-р пед. наук, проф. (Астана, Республика Казахстан).

Токторбаева К. А., д-р эконо. наук, проф. (Бишкек, Республика Кыргызстан).

Чедия К.О., академик МАО, д-р филос. наук, проф. (Москва, Россия).

Чуманов Ю.В., чл.-корр. МАО, канд. психол. наук (Москва, Россия).

Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть репродуцирована без письменного разрешения учредителя.

СОДЕРЖАНИЕ

Страница главного редактора.....	5
Москвичева Н. Л., Зиновьева Е. В., Костромина С. Н., Одинцова М. М., Зайцева Е. А. Феномен самодетерминации: психологические истоки и современное понимание.....	6-29
Чедия К.О. Эволюция научной психологии (Статья 2).....	29-52
Клейберг Ю.А. К вопросу о сущностно-содержательном понимании конструкта «эмоциональный интеллект».....	53-63
Клейберг Ю.А. Родительская позиция как психогенный фактор развития кризисных состояний ребенка.....	64-80
Жильцов С.А. Конструкт «профессиональная идентичность»: дискурс-анализ зарубежных и отечественных подходов.....	81-90
Аллабян М.Г. Промышленная политика на макро- и микроуровнях: селекция методов и инструментом формирования и реализации.....	90-107
<i>Книжные новинки и отзывы.....</i>	108-111
<i>Информация.....</i>	112-116
<i>Приложения.....</i>	117-120

СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Как была нами анонсировано в предыдущем номере журнала, с 1 июля 2023 года у россиян появится возможность обращаться к психологам в поликлиниках. Об этом в конце апреля заявлял министр здравоохранения России Михаил Мурашко.

Согласно новому порядку, *одна штатная единица клинического психолога рассчитывается на 25 тысяч прикрепленного взрослого населения.*

На консультацию нужно минимум 50 минут.

Источник: «Психологическая газета». 16 июня 2023 г.

Так что, за работу, уважаемые коллеги!

ФЕНОМЕН САМОДЕТЕРМИНАЦИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ¹

**Н. Л. Москвичева, Е. В. Зиновьева, С. Н. Костромина,
М. М. Одинцова, Е. А. Зайцева**

THE PHENOMENON OF SELF-DETERMINATION: PSYCHOLOGICAL ORIGINS AND MODERN UNDERSTANDING

**N. L. Moskvicheva, E. V. Zinovieva, S. N. Kostromina,
M. M. Odintsova, E. A. Zaitseva**

В последние годы в психологической литературе все чаще можно встретить понятие самодетерминации личности, однако при детальном рассмотрении обнаруживается, что за ним, при общем понимании, в значительной степени стоит разное содержание. Чаще всего исследователи подразумевают под самодетерминацией некоторую совокупность характеристик (и/или процессов), в целом описывающих собственную целенаправленную активность человека, характеризующуюся относительной свободой от внешних сил и произвольным регулированием самопроцессов. Однако терминологическая неопределенность использования этого понятия проявляется в том, что оно фактически выступает как синоним при описании процессов саморегуляции и самоорганизации деятельности (В.А.Иванников, В.И.Моросанова, О.А. Конопкин, Н.М. Пейсахов, А.К. Осницкий и др.),

---

¹ Републикация по: Москвичева Н.Л., Зиновьева Е.В., Костромина С.Н., Одинцова М.М., Зайцева Е.А. Феномен самодетерминации: психологические истоки и современное понимание. Часть 1 // Новые психологические исследования. 2022. №4. С. 90–116. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_04_05

Publication according to: Moskvicheva N.L., Zinovieva E.V., Kostromina S.N., Odintsova M.M., Zaitseva E.A. The phenomenon of self-determination: psychological origins and modern understanding. Part 1 // New psychological research. 2022. №4. pp. 90–116. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_04_05

отождествляется с мотивацией (Е. Deci, R. Ryan, и др.) или субъектностью, которая, в свою очередь, отражает содержательно-действенную характеристику активности человека (С.Л. Рубинштейн, Д.А. Леонтьев, А.В. Брушлинский, Л.И. Анцыферова и др.). Таким образом, можно говорить о том, что понятие самодетерминации как предмет исследования не имеет четких границ и часто противопоставляется детерминизму, ограничиваясь определенным полем рассмотрения и, соответственно, изучения.

Текущий всплеск интереса к процессам самодетерминации обусловлен не только обновлением понимания побудительных сил и внутренних механизмов поведения личности в современном мире, но и высокой востребованностью таких личностных качеств, как целеустремленность и ответственность, самостоятельность и способность выстраивать приоритеты, готовность изменяться в соответствии с требованиями жизни и принимать решения. Любая из перечисленных характеристик непосредственным образом связана с осознанным отношением к жизни, с процессами самопонимания, самореализации, самоизменений. «Детерминистское» объяснение причин той или иной организации жизнедеятельности личности, ее активности или пассивности исключительно влиянием генетических, средовых и ситуационных факторов уступает место идее множественных центров индетерминизма в человеческом поведении и деятельности (Бергсон, 2019). Результаты исследований личности показывают возможную непредсказуемость и неопределённость ее активности, вариативность и избыточность поведения, которые трудно объяснить влиянием наследственности или среды, и которые в значительной степени связаны с сознанием человека, его смысловыми установками и мировоззренческой позицией, рождаемых самой личностью как необходимых для существования, то есть самодетерминируемых. В связи с этим возникают идеи о свободной, независимой личности, обладающей свободой выбора, преодоления себя в физическом, мотивационном или эмоциональном планах, активно развиваемые в работах экзистенциальных философов и психологов, позитивной психологии, а также представителями субъектно-деятельностного, историко-эволюционного подходов отечественной психологии.

Если мы обратимся к основным психологическим концепциям, то обнаружим, что

практически каждая из них в том или ином виде пыталась обратить свой взгляд на те внутренние феномены, которые побуждают человека к самодвижению и самодеятельности (Рубинштейн, 2003) вне зависимости от средовых или биологических факторов.

В данной статье предпринята попытка обобщить и представить идеи, возникавшие в психологии в русле различных подходов и концепций, которые фактически можно отнести к понятию самодетерминации личности, точнее, к его разным проявлениям.

Теория самодетерминации как универсальный подход к интерпретации мотивации личности

В зарубежной психологической литературе проблематика самодетерминации начинает активно разрабатываться с 70-х годов XX века. Толчком к этому послужила сложившаяся ситуация недостаточности существующих объяснительных моделей мотивации поведения человека. Указывая на то, что представления о внутренней мотивации (развиваемой преимущественно в рамках теорий черт) и внешней мотивации (в рамках ситуационных теорий) не могли объяснить высшие формы активности человека, связанные с осмыслением и свободным выбором, исследователи обратили внимание на способность человека к осуществлению свободной, осознанной регуляции своей жизни (Ryan et al., 2019).

Традиционно понятие самодетерминации связывают с получившей широкое признание и распространение теорией самодетерминации (SDT) Е. Десси и Р. Райна, рассматривающих самодетерминацию как проявление человеком свободного выбора по отношению к влиянию внешней среды во взаимосвязи с внутренними характеристиками личности, прежде всего потребностно-мотивационными, а также когнитивными (Deci, Ryan, 2008). Значимой составляющей теории самодетерминации является выделение и описание трех основополагающих потребностей, присущих человеку, формирующих его мотивацию и обуславливающих психологическую стабильность. Важнейшей потребностью личности, по мнению авторов теории, является потребность в автономии — потребность ощущать себя способным к самостоятельной деятельности, причиной событий собственной жизни, действовать в соответствии с собственными выборами и

гармонии со своим Я. Присущая человеку потребность в компетентности отражает его стремление быть эффективным, справляться с задачами разных уровней трудности в ответ на вызовы, предъявляемые окружающей средой. Потребность в связанности с другими людьми является мотивационной основой поведения человека в социальной среде, отражая желание индивида быть понятым и принятым значимыми людьми (Deci, Ryan, 2008). Интерпретации поведения людей, практические рекомендации по решению психологических проблем индивидов и целых групп фактически опираются на рассмотрение взаимодействия трех этих базовых потребностей и социального контекста.

Различные аспекты взаимодействия мотивационных тенденций личности в социальном контексте, с опорой на эту концептуальную платформу, были рассмотрены в так называемых мини-теориях, появлявшихся в разные годы. Так, теория когнитивных оценок (1975) сфокусировалась на том, что социальная среда может способствовать или, наоборот, подрывать внутреннюю мотивацию. Теория органической интеграции (1985) подчеркивает существование присущей человеку тенденции к росту, преодолению возникающих проблем и интеграции человеком нового опыта в связанное ощущение себя, а также необходимость их постоянной социальной поддержки. Теория каузальных ориентаций (1985) указывает на индивидуальные различия в том, как люди ориентируются в своей среде, и выделяет типы личностных побуждений к совершению действий и выбору. В теории базовых психологических потребностей (1995) обосновывается существование трех базовых потребностей личности — в автономии, компетентности и связанности с другими людьми. Теория содержания целей (2000) связывает стремление к внутренним и внешним целям с психологическим благополучием личности и детально описывает целый континуум мотивов, а разработанная относительно недавно теория мотивации отношений (2014) фокусируется на возможности качественных межличностных отношений (Гордеева, 2010а; Ryan, Deci, 2017).

По мнению сторонников теории самодетерминации (SDT), в совокупности эти мини-теории являются исчерпывающей основой для интерпретации любых видов поведения человека, будь то типичные универсалии, приобретенные индивидуальные различия или сиюминутная феноменология (Sheldon, Prentice, 2019). В целом, сторонники

представляют теорию самодетерминации как масштабную макротеорию человеческой мотивации, связывающую воедино разные типы мотивации, формы социальной регуляции и стимулирования человеческого поведения, определяющие психологическое благополучие личности. В рамках данного направления проведены многочисленные исследования, направленные, например, на установление связи целей и характера мотивов с психологическим благополучием, роли социальных и культурных факторов в усилении или снижении чувства воли и инициативы людей, выявление взаимосвязей самодетерминации с конкретными феноменологическими проявлениями и чертами личности: например, с нарциссизмом (Sedikides et al., 2019); с мудростью (Bauer et al., 2019). В прикладном плане теория самодетерминации выступает основой для решения важных социальных проблем, например, повышения эффективности профессиональной деятельности, поддержания высокого качества межличностных отношений, осуществления позитивных изменений в образе жизни, направленных на достижение достаточного уровня психологического благополучия на разных профессиональных, социальных и возрастных выборках (Gomez-Baya et al., 2018; Liu et al., 2022).

При этом сообщается и о неоднозначных результатах. Например, как указывает Т.О. Гордеева, в целом факт позитивного влияния внутренних типов мотивации на психологическое благополучие личности подтвержден, но может иметь свою специфику в разных культурах, в частности, с трудом подтверждался на неамериканских выборках. По данным автора, феномен негативного влияния внешней мотивации на психологическое благополучие личности также не всегда подтверждался в исследованиях, что не дает оснований считать теорию самодетерминации единственно возможным способом интерпретации (Гордеева, 2010b).

Таким образом, при всей масштабности задач, поставленных сторонниками теории самодетерминации, ориентирующих исследователей на использование их концептуальных объяснений любого мотивированного поведения, очевидно, что она описывает только определенный, ограниченный круг вопросов. Можно констатировать, что разработанный ряд мини-теорий действительно постулирует тенденции личности к росту и преодолению, раскрывает многообразие ее мотивов, указывает на роль

когнитивных интерпретаций во взаимодействии со средой и, в конечном счете, описывает их связь с психологическим благополучием человека. Однако за рамками данной теоретической платформы остаются вопросы, связанные, с одной стороны, с природой побудительных сил, обеспечивающих энергетiku системы, ее стремление к росту и преодолению, а с другой стороны, — с осознанием человеком смыслов собственной жизни, свободы и воли. Нельзя не согласиться с тем, что самодетерминация не может быть сведена к автоматически срабатывающему механизму, и в этой теории недостает ответа на главный вопрос, зачем человеку автономия и самодетерминация, в чем их смысл (Леонтьев, 2011).

Обращение к различным психологическим концепциям и подходам показывает, что во многих из них высказывались важные идеи, касающиеся собственной активности личности, которые позволяют рассматривать вопросы детерминации-индетерминации человеческого поведения более глубоко.

Самодетерминация как движущая установка

В концепции социального научения Дж. Роттера особое внимание обращается на субъективную значимость социально-когнитивных факторов, определяющих поведенческий потенциал личности. Понятие локуса контроля выступает личностной переменной, отражающей смысловую ориентацию в значимых ситуациях, являясь, по сути, верой человека в возможность влиять на исход событий, происходящих в его жизни, в противовес убеждению в том, что жизнь контролируется внешними факторами, на которые человек не может повлиять. Экстернальный локус контроля личности отражает веру человека в то, что его успехи и неудачи определяются внешними факторами такими, как судьба, счастливый случай или влиятельные люди. Интернальный локус контроля личности, напротив, характеризует веру в то, что происходящее с ними является результатом их собственного поведения, усилий, способностей, решений, личностных характеристик. По Дж. Роттеру, индивид, имеющий сильную веру в то, что он может контролировать свою судьбу, вероятно, будет более внимательным к тем аспектам окружающей среды, которые предоставляют полезную информацию для его будущего поведения; предпримет шаги для улучшения состояния окружающей среды; будет

придавать большее значение навыкам или достижениям подкрепления и в целом больше анализировать свои способности, особенно неудачи, и сопротивляться попыткам повлиять на него (Rotter, 1966).

Таким образом, локус контроля фактически является обобщенным ожиданием того, в какой степени человек может контролировать подкрепления в своей жизни. Предполагается, что жизненный опыт человека и история подкрепления связаны со степенью приписывания результата личным / внешним действиям, сложившиеся убеждения и ожидания относительно характера причинно-следственных связей развиваются в процессе взаимодействия с другими людьми и миром, с учетом влияния индивидуальных различий. Локус контроля в этом смысле отражает ценность деятельности, влияет на направленность смысловых устремлений личности, определяющих построение ей жизненной стратегии.

Другой аспект установок человека как движущей силы в отношении самого себя представлен в содержании понятия самоэффективности, предложенного А. Бандурой. Он употребил термин «самоэффективность» для обозначения убеждений человека в собственной способности совершить действия определённого уровня, которые могут оказать влияние на события его жизни. Самоэффективность, как вера в себя и свои возможности, обуславливает готовность человека к проявлению активности, достижению желаемого и отражается в переживании собственной успешности. Вера в самоэффективность определяет, как люди чувствуют, думают, мотивируют и ведут себя. Рассматривая самоэффективность как когнитивный механизм, А. Бандура описал три основные ее характеристики: уровень, обобщенность и силу. Уровень самоэффективности отражает убеждения в том, что человеку под силу справиться с той или иной задачей даже при высокой её сложности. Обобщенность показывает широту представлений об успешности в одной сфере с переносом на другие. Сила самоэффективности отражает устойчивость убеждений индивида в его способности реализовать ту или иную деятельность (Bandura, 1997). Современные специалисты, говоря о понятии «самоэффективность», имеют в виду систему убеждений человека в собственной компетентности, веру в собственный потенциал и готовность действовать.

Эти представления распространяются на все сферы жизни человека и не зависят от конкретной ситуации. Данные исследований свидетельствуют, что представления о собственной эффективности тесно взаимосвязаны со многими сторонами человеческой жизни, с ее психологическим благополучием и физическим здоровьем. Показано, например, что люди с высокой самооэффективностью чаще добиваются успеха, ставят перед собой значимые цели, чем люди с низкой самооэффективностью; студенты при обучении получают более высокие оценки, рассматривают больше вариантов для карьеры (Леонтьев и др., 2011).

В контексте обсуждаемой проблемы можно говорить о том, что в теориях локуса контроля и самооэффективности личности прослеживается идея о том, что эти обобщенные установки могут выступать для личности в качестве источника самодетерминированного поведения.

Самодетерминация как процесс развития Я

Идею самодетерминации поведения человека в связи с образом его Я можно увидеть в концепции «Возможных Я» Х. Маркус. Характеристики «Возможных Я» могут объяснить влияние потенциальных представлений человека о себе на его образ Я. В «Возможные Я» включены текущие представления человека относительно того, кем он хотел бы стать, а также Я, которых он хотел бы избежать, и Я, которые никогда не станут реальностью (Markus et al., 1986). Фактически «Возможные Я» представляют собой направленный в сферу будущего и возможного компонент Я-концепции, на когнитивном уровне выражающий ожидания, стремления, страхи или надежды субъекта. Большинство приверженцев данной концепции отмечают, что конструкт «Возможных Я» является важным инструментом в совладании с трудными жизненными ситуациями, личностным ресурсом в саморегуляции собственной деятельности. На последнем аспекте (ввиду важности соотнесения данного понятия с самодетерминацией) мы остановимся поподробнее.

«Возможные Я» являются временной разновидностью Я-схем (компонент Я-концепции, ответственный за организацию и трансляцию информации о себе, необходимой для текущей деятельности в определённой сфере активности). В процессе

принятия быстрых решений и адаптации к различным задачам происходит согласование «Возможных Я» и Я-схемы «в настоящем». Их согласованность определяет степень реалистичности задуманного, а, следовательно, способствует более осознанному выбору. Таким образом, можно заключить, что «Возможные Я» являются источником внутренней причинности выборов, совершаемых человеком. Мотивационная сила «Возможных Я» изучалась в ряде исследований под руководством Д.Ойзермана. Было показано, что так называемые саморегуляционные «Возможные Я», детально описанные человеком, с четко обозначенной целью, значимо сильнее влияют на поведение человека, поскольку включают понимание того, какими способами и усилиями их можно достигнуть / избежать. Вместе с тем, обобщенные желаемые «Возможные Я», не включающие таких представлений, чаще всего связаны лишь с позитивным аффектом самоотношения (Oyserman et al., 2009).

В концепции диалогической структуры «Я» Г. Херманса обращается внимание на то, что эта структура формируется в диалоге со значимыми другими, имея, таким образом, социальное и культурное происхождение. Основываясь на представлениях М. Бахтина о полифоническом содержании сознания, Г. Херманс представляет структуру «Я» как совокупность относительно самостоятельных «Я-позиций», выражающих различные части личностного сознания и включающих соответствующее им содержание, например, воспоминания или истории. В структуре такого Я Г. Херманс предлагает выделять: 1) область внутренних «Я» (социальные роли и версии меня); 2) область внешних «Я» (интериоризированные другие, которые могут быть воображаемыми или реальными; отдельными людьми и целыми сообществами; представлять временные отрезки прошлого, настоящего или будущего); 3) общество — реальные другие (окружение человека) (Hermans, 1992).

Идея самодетерминации в данной концепции содержится именно в понятии «позиционирования», порождаемого самой системой возможных позиций: процесса занятия человеком той или иной позиции внутри окружающего контекста, по отношению к другим позициям, перемещения от одной позиции к другой и др., а также в понятии метапозиции, которая может представлять собой процесс саморефлексии (позиция,

являющаяся неким центром для принятия решений личностью относительно действий в той или иной ситуации).

Самодетерминация как свобода воли

Вопросы о сущности свободы всегда привлекали исследователей гуманистического и экзистенциального направления. Уже в работах Э. Фромма обосновывалось, что свобода выбора несет в себе разный заряд, есть позитивное и негативное направление свободы. Позитивной является «свобода, при которой человек чувствует себя частью мира и в то же время не зависит от него» (Фромм, 1989, с. 144). Вместе с тем, мы видим идею дихотомии свободы и автономии: позитивная свобода означает свободу расти и развиваться в соответствии с законами человеческого существования, т.е. автономными ограничениями. По Фромму, для достижения позитивной свободы человеку необходимо преодолеть свою пассивную природу, стать активным и творческим создателем собственной жизни. Подниматься над случайностью и преодолевать пассивность существования человеку помогает дело созидания, приводящее к чувству собственной значимости, например, это может быть творчество, воплощение идеи или воспитание детей (Фромм, 2012).

В рамках экзистенциального направления понятие свободы является одной из основополагающих категорий. Для Р. Мэя свобода — это способность человека участвовать в собственном развитии, способность формировать себя. Свобода тесно связана с самоосознанием: чем меньше человек осознает себя, тем больше он несвободен, тем более мощное воздействие на него оказывают силы, которые он не в состоянии контролировать. И наоборот, любое действие, связанное с самоосознанием, расширяет спектр его выборов и свободы. Свобода личности — в осознании и принятии реалий не в силу слепой необходимости, но благодаря собственному выбору (Мэй, 2013, с. 137–139). Делая свободный выбор, человек одновременно в сознании прокручивает и сопоставляет ряд различных возможностей. В этом заключается суть свободы: она превращает возможное в действительное благодаря тому, что, принимая в данный момент пределы действительного, работает в основном с реалиями возможного. В концепции человека Р. Мэя подчеркивается осознанный целевой аспект поведения, то есть возможность

управления собой. Способность организовать свое «Я» для движения к определенной цели представляет собой необходимый волевой компонент свободы и выбора, но предполагается также существование смыслового компонента, на основе которого этот выбор делается. Этот компонент, содержащий осмысление человеком своего прошлого опыт и его представления о будущем, Р. Мэй называет интенциональностью, подчеркивая, однако, что она не всегда бывает осознанной полностью (Мэй, 1997).

Самодетерминация как ответственность

Категория свободы как возможности преодоления личностью внешних по отношению к ней видов детерминации тесно взаимосвязана с категорией ответственности, достаточно значимой в отечественной психологической традиции.

При рассмотрении проблематики детерминации / индетерминации поведения человека Д.А. Леонтьев прямо говорит о том, что самодетерминация является новым уровнем отношения человека с миром, переход к которому лежит через интеграцию свободы и ответственности, связанной с обретением им ценностных ориентиров. Ответственность, по Д.А. Леонтьеву, «есть сознавание человеком своей способности выступать причиной изменений (или противодействия изменениям) в окружающем мире и в собственной жизни, и связана с сознательным управлением этой способностью; лишь осознавая возможность активного изменения ситуации, человек может предпринять попытку такого изменения» (Леонтьев, 1993, с. 34). Зрелой личности в отличие от незрелой присуща саморегулируемая произвольная осмысленная активность, основанная на объединении свободы и ответственности. Вместе с тем, пути их становления различаются: «если становление свободы — это обретение права на активность и ценностных ориентиров личностного выбора, то становление ответственности — это переход регуляции активности извне вовнутрь» (Там же, с. 35).

Необходимыми условиями возникновения у человека духовного состояния личностной свободы являются осознание им того, что возможность выбора существует, и имеющаяся внутренняя готовность осуществить этот выбор, включенный в контекст личностного знания и смыслообразования, создания новых смысловых отношений. Д.А. Леонтьев выделяет три категории выбора (как своего рода проявления

самодетерминированного поведения): простой выбор (при понимании имеющихся альтернатив и критериев их сравнения); смысловой выбор (альтернативы имеются, но критерии сравнения не однозначны); экзистенциальный выбор (не определены критерии и нет фиксированного выбора альтернативы; рациональный анализ недостаточен для осуществления подобного выбора). С этой точки зрения самодетерминация (ее степень или особенности) выступает как личностный ресурс готовности к экзистенциальному выбору (Леонтьев и др., 2011).

Самодетерминация как проявление субъектности

В отечественной психологии идеи самодетерминированного поведения прежде всего связаны с понятием субъектности, развиваемым в рамках субъектно-деятельностного подхода, представителями которого являлись С.Л.Рубинштейн, А.Н.Леонтьев, Л.И. Анцыферова, А.В. Петровский, Б.Ф. Ломов и др.

Субъектность первоначально раскрывается ими через внутреннюю регуляцию человеком своей деятельности. С.Л. Рубинштейн считал (Рубинштейн, 1998), что психические процессы человека в процессе жизненного пути и на основе жизненного опыта не остаются процессами, совершающимися сами по себе в ответ на внешние стимулы; они превращаются в сознательно регулируемые действия или операции, которыми овладевает личность в ходе решения жизненных задач. Характеризуя понятия «личность» и «субъект», С.Л. Рубинштейн отмечал: «Субъект в специфическом смысле слова (как «Я») — это субъект сознательной, произвольной деятельности... Ядро его составляют осознанные побуждения — мотивы сознательных действий» (Рубинштейн, 1973, с. 246–247). Саморегуляция в работах С.Л. Рубинштейна связывается с возможностью ограничения человеком избыточных степеней свободы.

Регулирующую функцию при постановке целей и осознании поступков, по А.Н.Леонтьеву, выполняют смысловые образования (Болотова и др., 2015). Они воспроизводятся в иерархии деятельностей, относительно отделены от биологических оснований, и именно они образуют сущность — ядро личности.

В целом, этот подход постулирует, что субъектность предполагает такие неотъемлемые характеристики, как активность, осознанность, ответственность,

самостоятельность и др., и проявляется в личности способностью производить взаимообусловленные изменения в себе, в людях и окружающем мире (Петровский, 1996).

Кроме собственно регуляторного аспекта, внимание исследователей перемещается на общий жизненный контекст, в котором находится личность, и формулируются такие понятия, как «субъект своего жизненного пути» и «субъект своего внутреннего мира» (С.Л. Рубинштейн, Л.И. Анцыферова, К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский).

В отношении субъекта жизненного пути на первый план выступают качества индивидуальности, рассматриваемой в контексте общественно-исторической значимости неповторимости субъекта. Предметом исследования является процесс выстраивания жизненного пути в соответствии с жизненным замыслом, детерминация личностью собственного развития (Анцыферова, 1989). Чем полнее включенность личности во взаимодействие с окружающим миром, тем более сокращается психологическое, переживаемое личностью расстояние между нею и этим миром, а ее внутренний мир отличается разнообразием, пристрастностью и эмоциональностью. В случае, когда уровень эмоциональности и творческого взаимодействия с миром снижен, субъект внутреннего мира характеризуется обедненностью, расстояние между ним и миром увеличивается вплоть до переживания чувства отчуждения от него (Анцыферова, 1989).

Таким образом, развиваясь, личность все более выступает как *суверенный источник активности*, субъект не только своего поведения, но и своего внутреннего мира, своей психической жизни, способный сознательно осуществлять изменения окружающего мира и самого себя.

В целом важно отметить, что в отечественной психологии существуют глубокие традиции в понимании субъекта и субъектности, позволяющие существенно расширить подход к пониманию самодетерминации. Безусловно, эти два понятия нельзя рассматривать как синонимы, но одно невозможно рассматривать без другого, субъектность как творческое взаимодействие личности с миром вокруг себя может выступать высшим проявлением самодетерминации.

Самодетерминация как регуляция жизненного контекста: подходы к созданию уровнейых моделей

Идеи о необходимости разработки целостных моделей регуляции активности человека, а также различения уровней этой регуляции по разным основаниям получили свое воплощение в различных психологических парадигмах.

Так, в отечественной психологии В.С. Мерлиным была детально разработана теория «интегральной индивидуальности». Она основывалась на принципах системности, общей теории живых саморегулирующихся и самоактуализирующихся систем. Индивидуальность, по мнению В.С. Мерлина, представляет собой иерархическую совокупность не входящих друг в друга, относительно автономно сосуществующих подсистем разного уровня (подсистемы индивидуальных свойств организма, индивидуальных психических свойств организма и социально-психологических индивидуальных свойств), связанных внутри уровней и между ними не только многозначными связями, но и разными типами детерминации. Так, в интегральной индивидуальности, по мнению В.С. Мерлина, существуют многозначные каузальные связи между уровнями, т.е. свойства низшего уровня выступают как причины, а свойства высшего — как следствия. В этом случае одни уровни интегральной индивидуальности функционируют относительно автономно и закрыты от других уровней. В системе, вместе с тем, существует и телеологическая детерминация — направленность системы на определенный полезный результат, в этом случае внутренняя цель системы оказывает воздействие на ход процесса, а разные уровни системы открываются друг для друга и вступают в определенные взаимоотношения (Мерлин, 1986). Идея телеологической детерминации, по мнению Л.Я. Дорфмана, близка понятиям финальной причины, предназначения, имманентной цели существования (Дорфман, 2008) В целом, механизмы регуляции представляются сложноорганизованной уровневой системой, в которой взаимосвязи внутри уровней и между уровнями *подчиняются разным законам*.

Сходные по замыслу идеи относительно разных механизмов регуляции поведения человека представлены и в модели потребного будущего,

разработанной Н.А.Бернштейном. В соответствии с ней механизмы регуляции поведения меняются на разных уровнях филогенетического и онтогенетического развития. Если на элементарном уровне действия полностью определяются пусковым стимулом и совершаются по жесткой схеме «стимул — реакция», то по мере возрастания сложности двигательной активности возрастает регулирующая роль третьего звена — функциональной системы управления движением. Вводя понятие модели потребного будущего, Н.А. Бернштейн подчеркивает ее роль в возникновении целеустремленных процессов, включающих мотивацию борьбы организма за достижение цели и обеспечивающих развитие и закрепление целесообразных механизмов ее реализации. По Н.А. Бернштейну, только уяснившийся образ потребного будущего может послужить основанием для оформления задачи и программирования ее решения, при этом подчеркивается, что она имеет вероятностный характер. Отметим, что особую актуальность в условиях изменяющейся жизни обретают идеи ученого относительно процессов предвосхищения будущего в условиях неопределенности посредством экстраполяции, антиципации и моделирования будущего (Бернштейн, 1966).

Различение разных уровней системы детерминации активности человека, но уже с точки зрения его развития, представлено в концепции жизненного пути Ш. Бюллер. По мнению автора, реализация уникальных возможностей для роста и развития человека основывается на поддержании оптимального уровня возбуждения для совершения желаемых действий (Buhler, Allen, 1972). При этом жизненный путь личности есть путь реализации интенциональности, которая проявляется в жизненных выборах, не всегда осознаваемых человеком. Сам же жизненный путь описывается как реализация имеющихся врожденных разнонаправленных «базовых тенденций», среди которых: 1) удовлетворение потребностей (физические, эмоциональные и интеллектуальные потребности, например, потребности в самоуважении, образовании, в личном удовлетворении, в любви и др.); 2) «самоограничивающая адаптация» — приспособление, необходимость подстраиваться, соответствие окружению, дабы ощущать принадлежность и участвовать в жизни общества; 3) стремление к достижениям и творчеству, творческая экспансия как стремление стать трудолюбивым,

предприимчивым, продуктивным и самовыражающимся; 4) тенденция к интеграции и поддержанию порядка внутреннего мира (Buhler, Marschack, 1968). Таким образом, одновременно указывая на ведущую роль в развитии человека стремления к самореализации, росту, выстраиванию личной философии жизни, самоосуществлению и самоопределению, вопрос детерминации развития человека видится Ш. Бюллер как разворачивание врожденных структур самосознания, не детерминированных самим человеком.

Сложная многоуровневая целостная организация личности с акцентом на объединяющую и организующую ее внутреннюю силу представлена в персонологической теории Г. Олпорта (Олпорт, 2002). Он описал два уровня, или типа, функциональной автономии. Первый уровень — так называемая устойчивая функциональная автономия, напрямую связанная с функционированием механизмов обратной связи в нервной системе, что в определенной степени соотносится с описанными выше подходами В.С. Мерлина и Н.А. Бернштейна. Второй, высший тип — собственная функциональная автономия — описывает функционирование человека в контексте его приобретенных интересов, сформированных ценностей, установок и намерений. Эта система мотивации является внутренним «двигателем» личности, обеспечивающим постоянство в стремлении человека к развитию и не требующим дополнительных вознаграждений; «наградой» является достижение более высокого уровня зрелости и личностного роста.

Целостность системы личности просматривается в описанных Г. Олпортом принципах функционирования собственной автономии. Принцип организации энергетического уровня декларирует необходимость достаточного уровня активности человека, служащей фундаментом для достижения его целей. Принцип преодоления и компетентности утверждает существование мотивации преодоления преград и извлечения опыта для себя из окружающего мира. Третий принцип — принцип построения проприативной системы — раскрывает объединяющую тенденцию внутри личности. Понятие проприума как наиболее важное и центральное характеризует личность с точки зрения ее внутреннего единства, постоянства ее диспозиций, намерений

и перспективных целей за счет того, что сам человек организует собственную жизнь вокруг проприума, усиливая «себя», отвергая «не свое», приводя к формированию уникальности человеческой жизни. Проприум, в понимании Г. Олпорта, — позитивное, творческое свойство человеческой природы, характеризующее личность как непрерывно изменяющуюся и развивающуюся сущность (Олпорт, 2002).

Систему мотивационных факторов, детерминирующих поведение человека, описывает в теории поведенческой динамики Ж. Нюттен. Отличительной особенностью теории является идея о присутствии на каждом уровне психической жизни человека двух основных, но при этом разнонаправленных мотивационных тенденций. «Первая связана с самодетерминацией, самоактуализацией, потребностью в достижении, самозащите, самосохранении и т.д. Вторая — с самоотдачей, потребностью в контакте, в аффилиации, в причастности, в единении и любви» (Леонтьев, 2004, с. 8). Эти тенденции обязательно проявляются в специфическом поведении на разных уровнях функционирования личности, среди которых Ж. Нюттен выделяет психофизиологический, социальный и духовный. На психофизиологическом уровне тенденция к самодетерминации проявляется в базовой потребности в витальном развитии, а тенденции к аффилиации и причастности можно соотнести с потребностью в биологическом контакте. На социальном уровне мотивация самодетерминации проявляется в потребности в развитии личности, а мотивация аффилиации — в потребности в психосоциальном контакте. На высшем уровне, связанном с представлением «о трансцендентных по отношению к материальному миру ценностных реалиях, которые придают жизни человека надмирской характер» (Нюттен, 2004, с. 277), данные мотивационные тенденции проявляются, соответственно, в потребности в экзистенциальной опоре и потребности в универсальной интеграции. Важно также отметить, что Ж. Нюттен прямо использовал термин «самодетерминация», понимая под ней волевою регуляцию процесса мотивации. «Воля относится к той категории персонализированных процессов мотивационной саморегуляции, которую называют также самодетерминацией» (Нюттен, 2004, с. 277).

В многоуровневой схеме индивидуальности Д. Мак-Адамса внимание акцентируется не просто на внутренних процессах детерминации человека, а на позиции

взаимодействия человека и общества. Так, первый уровень детерминации включает в себя свойственный личности паттерн черт, или диспозиций, отражающий индивидуальное сочетание личностных свойств, обеспечивающий ее типичные способы восприятия окружающего мира и реагирования на ситуации, возникающие в нем. Второй уровень — уровень характеристических адаптаций — включает индивидуальные мотивы, цели, схемы, ценности и т.п., связанные с включенностью человека в социальный контекст. Этот уровень отражает развитие личности через формирование и изменение мотивационных факторов, неразрывно связанных именно с социумом как средой, в которую погружен человек. Третий уровень, описание которого является уникальным вкладом Д. Мак-Адамса в современную психологию личности, — это уровень идентичности личности, понимаемой как ее субъективная жизненная история, придающая жизни человека смысл, направленность и единство (Мак-Адамс, 2008).

Таким образом, среди факторов, детерминирующих поведение человека, рассматриваются смыслы и значения, формируемые самим человеком и объединяющие его жизнь для него самого в единую целостную систему. Важно отметить, что субъективная жизненная история является динамичной, т.е. конструируемой и меняющейся в соответствии (и в диалоге) с ценностями, стереотипами и нормами культур и сообществ, участником которых является человек. Это субъективное представление о себе, о смыслах и причинах своей жизни человека, помещенного в определенную семью, окруженного друзьями и знакомыми, живущего в конкретном обществе в конкретный исторический период.

Заключение

Проведенный обзор показывает, что вопросы самодетерминации поведения и развития личности рассматривались как в отечественной, так и в зарубежной психологии с разных концептуальных позиций и, по существу, являются одними из важнейших для понимания свободной сущности человека. При этом можно говорить, как о попытках разработать целостную систему, описывающую самодеятельностную регуляцию существования и активности человека, так и о важных идеях относительно содержания и механизмов самодетерминации, которые были предложены в разных психологических

подходах.

Общим во всех рассмотренных подходах является признание способности человека к осуществлению свободной, не детерминированной влиянием внешней среды и наследственностью регуляции своей жизни. Внутренние — мотивационные, когнитивные, рефлексивные и другие характеристики личности (в концепциях разных подходов и авторов) — при этом рассматриваются как источники индетерминированного поведения или его механизмы. В представленном обзоре такими характеристиками, в частности, выступили развитый внутренний локус контроля и вера в самоэффективность как обобщенные установки человека в отношении самого себя; интенциональность как структура, в которой человек осмысляет свой прошлый опыт и представляет себе будущее; представления о своих «Возможных Я» и способность организовать свое «Я» для движения к определенной цели, предполагающие (*если это причастие относится к «представления» и к «способность»*) наличие воли; «позиционирование» как процесс занятия человеком той или иной позиции и метапозиция, близкая к саморефлексии; субъектные качества личности; ответственность как осознание человеком себя как причины изменений и самоизменений, сформированная внутренняя готовность осуществить выбор, включенный в контекст личностного знания и смыслообразования. Различность описываемых характеристик подтверждает идею существования множественных центров индетерминизма в человеческом поведении и деятельности.

Вместе с тем, очевидно, что описываемые процессы и характеристики функционируют на качественно разных уровнях организации личности (индивидуальном, деятельностном, ценностно-смысловом) и выполняют разные задачи. Например, в представленных подходах многие авторы выделяют значение энергетического уровня, обеспечивающего достаточный уровень активности человека для борьбы организма за достижение цели и включающего целесообразные механизмы ее реализации. Говорится о собственных стремлениях человека, связанных с его жизнью в социуме (например, стремлении к достижениям, самореализации), и предполагающих преодоление, повышение уровня компетентности и непрерывное подкрепление и усиление собственной мотивации, направленной на достижение более высокого уровня

личностного роста. Среди высших уровней организации личности называют выстраивание личной философии жизни, ценности, установки и намерения, смыслы и значения, формируемые самим человеком и объединяющие его жизнь для него самого в единую целостную систему.

Предложенный анализ, на наш взгляд, позволяет в целом определить самодетерминацию как многоуровневую динамическую систему, обеспечивающую энергетическую, целевую и смысловую активность личности и определяющую относительную свободу в реализации жизненных стремлений человека.

Современный взгляд на феномен самодетерминации должен базироваться на идеях об интегральности, целостности самодетерминационных процессов и в то же время на идеях их уровневого различия, описании специфического содержания и механизмов каждого уровня. При этом вопрос выделения уровней самодетерминированного функционирования является непростым. Предпринятый анализ позволяет сказать, что в отношении некоторых описанных характеристик уровень самодетерминации (например, индивидуальной самоорганизации) можно выделить достаточно определенно, тогда как в отношении других сложнее сделать это однозначно. Можно предположить существование переходных уровней, когда в каких-либо проявлениях реализуются самодетерминационные процессы разного порядка или они могут переходить из одного в другое, что вполне укладывается и в саму сущность любых живых систем, процессуальная природа которых отражает постоянный рост, развитие и изменение.

Многоуровневое описание феномена самодетерминации позволит преодолеть разнонаправленность имеющихся теоретических представлений о причинах самодеятельного поведения человека, поскольку, с одной стороны, поможет определить его самостоятельное содержание, несводимое к другим понятиям («субъектность», «саморегуляция», «внутренняя мотивация» и пр.), а с другой — будет представлять собой объяснительную модель, описывающую разную природу индетерминированности личности, в том числе тех форм поведения, которые не укладываются в классические теории самодетерминации. Имплементация идей отечественных психологов в понимание феномена самодетерминации позволит описать этот феномен целостно, но в то же время

с дифференциацией видов и уровней взаимодействия самодетерминационных процессов, что гораздо глубже существующих зарубежных аналогов.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ, проект №22- 28-00460 «Комплементарная модель самодетерминации личности: теоретические основания, диагностический инструментарий, практика внедрения».

Список литературы

1. Анцыферова, Л.И. Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук / Отв. ред. Л. И. Анцыферова. М.: Наука, 1989. С. 426-433.
2. Бергсон, А. [Bergson H.] Творческая эволюция. / Пер. с англ. В. Флеровой. М.: Академический проект, 2019.
3. Бернштейн, Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966.
4. Болотова, А.К., Пурецкий, М.М. Развитие идей саморегуляции в исторической ретроспективе // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 3. С. 64-74.
5. Гордеева, Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования. 2010а. Т. 3. № 12. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v3i12.906>
6. Гордеева, Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 2: Вопросы практического применения теории // Психологические исследования. 2010б. Т. 3. № 13. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v3i13.895>
7. Дорфман, Л.Я. Методологический анализ теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина // Методология и история психологии. 2008. № 3. С. 106–121.
8. Леонтьев, Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3-27.

9. Леонтьев, Д.А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993.
10. Леонтьев, Д.А. Человек перспективы // Нюттен, Ж. Мотивация, действие, перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 5-16.
11. Леонтьев, Д.А., Мандрикова, Е.Ю., Рассказова, Е.И., Фам, А.Х. Личностный потенциал в ситуации неопределенности и выбора // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 511–546.
12. Мак-Адамс, Д.П. [McAdams D.P.] Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. № 3. С. 135–166.
13. Мерлин, В.С. Очерк интегральной индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
14. Мэй, Р. [May R.] Любовь и воля / Пер. с англ. О.О. Чистяков и А.П. Хомик. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997.
15. Мэй, Р. [May R.] Человек в поисках себя / Пер. с англ. А. Багрянцевой. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013.
16. Нюттен, Ж. [Nuttin J.] Мотивация, действие, перспектива будущего / Пер. с англ. Е.Ю. Патяевой, Н.Н. Толстых, В.И. Шевяховой. М.: Смысл, 2004.
17. Олпорт, Г. [Allport G.] Становление личности: Избранные труды / Пер. с англ. Л. В. Трубицыной и Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002.
18. Петровский, В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
19. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии. М: Педагогика, 1973.
20. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб: Питер, 2003.
21. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 1998
22. Фромм, Э. [Fromm E.] Человек для себя / Пер. с англ. А. В. Александровой. М.: Астрель, 2012.
23. Фромм, Э. [Fromm E.] Бегство от свободы / Общ. ред. и послесл. П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1989.
24. Bandura, A. Self-efficacy. The Exercise of Control. New York: W.H. Freeman and Comp, 1997.

25. Bauer, J.J., King, L.A., Steger, M.F. Meaning making, self-determination theory, and the question of wisdom in personality // *Journal of Personality*. 2019. Vol. 87. No. 1. P 82–101.
26. Buhler, C.M., Marschack, M. Basic tendencies of human life / In C. Bühler, F. Massarik (Eds.), *The course of human life: A study of goals in the humanistic perspective*. New York: Springer, 1968. P. 92–102.
27. Buhler, C.M., Allen, M.R. *Introduction to humanistic psychology*. Calif.: Brooks/Cole Pub. Co, 1972.
28. Deci, E.L., Ryan, R.M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health // *Canadian Psychology*. 2008. Vol. 49. P. 182–185.
29. Gomez-Baya, D., Lucia-Casademunt, A.M. A self-determination theory approach to health and well-being in the workplace: Results from the sixth European working conditions survey in Spain // *Journal of Applied Social Psychology*. 2018. Vol. 48. No. 5. P. 269-283.
30. Hermans, H.J., Kempen, H.J., Van Loon, R.J. The Dialogical Self: Beyond Individualism and Rationalism // *American Psychologist*. 1992. Vol. 47. No. 1. P. 23-33.
31. Liu, Y., Raza, J., Zhang, J. et al. Linking autonomy support and health at work: The self-determination theory perspective // *Current Psychology*. 2022. Vol. 41. No. 6. P. 3651–3663.
32. Markus, H., Nurius, P. Possible selves // *American Psychologist*. 1986. Vol. 41. No. 9. P. 954–969.
33. Oyserman, D., James, L. Possible selves: From content to process / In K. Markman, J.A. Suhr (Eds.), *The Handbook of Imagination and Mental Stimulation*. New York: Psychology Press, 2009. P. 373-394.
34. Rotter, J.B. Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement // *Psychological Monographs*. 1966. No. 80. P.1-28.
35. Ryan, R.M., Deci, E.L. *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. New York: Guilford Press, 2017.
36. Ryan, R.M., Soenens, B., Vansteenkiste, M. Reflections on self-determination theory as an organizing framework for personality psychology: Interfaces, integrations, issues,

and unfinished business // Journal of Personality. 2019. Vol. 87. Special Issue: Self-determination theory as a unifying theory within personality psychology. P. 115-145.

37. Sedikides, C., Ntoumanis, N., Sheldon, K. M. I am the chosen one: Narcissism in the backdrop of self-determination theory // Journal of Personality. 2019. Vol. 87. Special Issue: Self-determination theory as a unifying theory within personality psychology. P. 70-81

38. Sheldon, K.M, Prentice, M. Self-determination theory as a foundation for personality researchers. Journal of Personality // Journal of Personality. 2019. Vol. 87. No. 1. P. 5–14.

**Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.**

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ

(Статья 2)

К. О. Чедия

(Москва, Россия)

Информация об авторе: *ЧЕДИЯ Константин Олегович*, академик Международной академии образования, доктор философских наук, кандидат психологических наук, педагог дополнительного образования, руководитель музыкально-театральной студии «Вдохновение» при ГБУ ЦССВ «Южный» (Москва).

Аннотация. Эволюция мировой научной психологии находится в зависимости от диалектического раскола общественного сознания на западный (прагматический рациональный), восточный (прагматический эмоциональный) и промежуточный (с элементами непрагматического и эмоционального, и рационального) менталитеты.

Западная психология развивалась от абсолютизации низших эмоций (в психоанализе) через отрицание познаваемости психики (в бихевиоризме) и эмоций (в когнитивной психологии) к биологизации высших эмоций (в гуманистической психологии) с незначительным продвижением к культурно-историческим и преддиалектическим принципам. Восточная психология (этическая философия) развивалась в круговоротах, основанных на сменах приоритетов не осмысливаемых гносеологических противоположностей (этических, а также государственного и научного типов мышления) с нарастанием их эклектического синтеза. Российско-советская психология изначально развивалась от укрепления культурно-исторических принципов в сторону применения диалектической методологии.

Ключевые слова и словосочетания: эволюция научной психологии; западный, восточный и промежуточный менталитеты; абсолютизация общественного сознания или общественного бытия; односторонние гносеологические противоположности; противоречие между всей системой гносеологических и онтологических противоположностей.

THE EVOLUTION OF SCIENTIFIC PSYCHOLOGY (Article 2)

Prof. Konstantin O. Chedia
(Moscow, Russia)

Annotation. The evolution of world scientific psychology depends on the dialectical split of public consciousness into Western (pragmatic rational), Eastern (pragmatic emotional) and intermediate (with elements of non-pragmatic and emotional, and rational) mentalities. Western psychology has developed from the absolutization of lower emotions (in psychoanalysis) through the denial of the knowability of the psyche (in behaviorism) and emotions (in cognitive psychology) to the biologization of higher emotions (in humanistic psychology) with little progress towards cultural-historical and pre-dialectical principles. Eastern psychology (ethical philosophy) developed in cycles based on changes in the priorities of incomprehensible epistemological opposites (ethical, as well as state and scientific types of thinking) with the growth of their eclectic synthesis. Russian-Soviet psychology initially developed from the strengthening of cultural and historical principles towards the application of dialectical methodology.

Keywords and phrases: evolution of scientific psychology; western, eastern and intermediate mentalities; absolutization of social consciousness or social being; one-sided epistemological opposites; contradiction between the whole system of epistemological and ontological opposites.

Эволюция научной психологии, являясь результатом разделения общественного сознания Земли на рыночный (западный) и общинно-командно-административный

(восточный) менталитеты, имеет **закономерный путь своего возникновения, развития и перспективного качественного завершения.**

Восточный менталитет (в КНР и странах Восточной Азии) характеризуется *прямыми приоритетами:*

- эмоционального (ценностного) мышления над рациональным (цель первична перед средством);
- прагматических типов мышления в отношении общества (на основе высокой значимости государства) над прагматическими типами мышления в отношении природы,
- интуитивного теоретического мышления над эмпирическим.

На основе этой системы приоритетов Китай развивался преимущественно на общинно-командно-административной основе с перепрыгиванием через рыночные стадии (межгосударственного классового /рабовладельческого/ рынка и межрегионального стихийного /государственно еще не регулируемого/ капитализма – 4-й и 6-й стадий социальной эволюции).

Западный менталитет (в США и странах Западной Европы) характеризуется *обратными приоритетами:*

- рационального мышления над эмоциональным (средство первично перед целью),
- прагматическими типами мышления в отношении природы (с высокой значимостью товарно-денежных отношений) над прагматическими типами мышления в отношении (конкурентного) общества,
- эмпирического мышления над теоретическим.

На основе этой системы приоритетов США и страны Западной Европы с Нового времени развивались преимущественно на рыночной основе с перепрыгиванием через стадию (общинно-командно-административного) глобально-регионального авторитарного социализма (7-й стадии социальной эволюции) и стремясь избежать неминуемого перехода к планетарному общинно-командно-административному управлению на основе многополярности (с последующим нарастанием его нравственных оснований).

И только Россия (и СССР) проходила и проходит все постсредневековые стадии социальной эволюции в строгом порядке и в строгой закономерности сокращения сроков по коэффициенту Непера $e \approx 2,71$ (точнее, $k_e \approx 2,67$, то есть с некоторой задержкой в связи с повышенной сезонностью на Земле). На этом основании она оказалась вершиной эволюционной пирамиды, находясь между временно экономически доминирующим Западом и этически сопротивляющимся нормам конкуренции («свободы и демократии») Востоком. Общественное сознание России характеризуется *промежуточным менталитетом*, суть которого состоит в:

- *неприятности крайностей* как западного (с его конкурентной основой, ведущей к общественной поляризации и культу потребленчества), так и восточного (с его авторитарностью, ведущей к бюрократизму, автократизму, а бывало и к тоталитаризму) менталитетов;

- *приоритете непрагматических и ценностных* (в искусстве и этико-эстетической философии с опорой на переживаемую ценность Гармонии), и *рациональных* (в естественнонаучной философии и эмпирических науках с опорой на выявлении причинно-следственных оснований эволюции Бытия /бытия и сознания/) *типов мышления* над прагматическими в сообществах относительно высокого культурного уровня и,

- увы, переходе протестного поведения в его девиантно-криминальные формы в сообществах низкого культурного уровня.

Казалось бы, «научная» (то есть опирающаяся на эмпирические исследования) психология возникла на Западе в интроспективно-экспериментальных исследованиях первых западных психологов полтора столетия назад (начиная с В. Вунда, Э. Титченера, К. Штумпфа, Г. Эббингауза, Ф.Брентано, В. Джемса, представителей Вюрцбургской школы, ранних гештальт-психологов и т.д.). Однако на интуитивно теоретической основе психология возникла на тысячелетия раньше, начиная, по крайней мере, с этических философских систем Сократа и Платона на античном Западе, а также Лао-цзы и Конфуция в древнем Китае. Другое дело, что на западной почве подобные этические поиски были свёрнуты в условиях рыночного прагматизма (существовая на

иррациональной основе в христианской религии), а на восточной почве расцвели пышным цветом в десятках и сотнях мыслителей, развивающих (конечно, на додиалектической основе) этические учения, противоречащие друг другу.

Таким образом, эволюция научной (и эмпирической, и теоретической) психологии реализовалась в противоположности её западного и восточного путей, которые имеют строгие координаты, ведущие сначала к апогею взаимной противоречивости, а затем к подлинной (диалектической!) интеграции. Наиболее благоприятные условия для этой интеграции сложились на основе промежуточного российско-советского менталитета.

Так, на Западе после относительного кратковременного периода *интроспективно-экспериментальной психологии*, давшей представления об элементах, структуре и функциональных актах в психике людей (а также выдвинувшей ряд предкультурно-исторических и даже преддиалектических идей в воззрениях В. Вундта и К. Штумпфа – философски мыслящих психологов, – идей, впоследствии напрочь забытых в последующих ведущих западных школах) психология пришла к односторонней зрелости. Ее сутью является динамика эволюции «трех сил»: психоанализа, бихевиоризма (в паре с когнитивной психологией) и гуманистической психологии.

Психоанализ является в общеизвестном представлении об Иде, Эго, и Супер-Эго *абсолютизацией низших эмоций*. Причём, если Зигмунд Фрейд упирал на врождённое либидо (сексуальные влечения), то Карл Густав Юнг в представлениях об «архетипах» биологизировал саму культуру этносов и народов, а «поздние фрейдисты» Мелани Кляйн и Жак Лакан добавили к врождённому либидо также и мортидо – якобы врождённое стремление к смерти (в реальности же стремление некоторых людей к смерти полноценно объясняется их закономерной реакцией на апогей противоречивости общественного бытия и общественного сознания). Другие, менее ортодоксальные, психоаналитики постепенно и весьма в незначительной степени стали разворачиваться в направлении культурно-исторических представлений. Так, Альфред Адлер, биологизировал социальные качества людей в представлении о якобы врождённом стремлении к превосходству (в роскоши, деньгах, социальном статусе, власти). Однако в реальности – это культурный результат адаптации к противоречивому (как рыночному, так и

командно-административному с девальвацией общинности) обществу. Дальнейшее развитие психоанализа шло сначала в направлении развития *эго-психологии* с переносом акцента с Ида на Эго (прежде всего, в творчестве Анны Фрейд, развившей учение о психологических защитах, ценное не столько применительно к противоречию между Идом, Эго и Супер-Эго, сколько к противоречиям между 12-ю противоположностями, выявляемыми на основе применения диалектической методологии при самостоятельности эмпирического материала). Аналогично к расширяющемуся изучению культурных влияний перешли и другие эго-психологи: Хайнц Хартман, Рене Спитц, Маргарита Малер, Эрик Эриксон. Затем психоанализ вышел на уровень *объектных отношений* (Рональд Фэйрбрейн, Дональд Винникотт, Хайнц Кохут), где источником личностных особенностей признавались, прежде всего, родители, а также – микроэволюционные влияния. При этом понимание культурно-исторической эволюции макросоциума в концепциях объектных отношений отсутствовало даже на уровне попыток (в силу абсолютизации западным менталитетом рыночных отношений), поскольку рыночный менталитет абсолютизирует рыночные отношения в качестве (конечно, утопического) «незыблемого» состояния «свободы и демократии». Высших достижений в границах психоанализа достигли «поздние фрейдисты», вплотную подошедшие к проблемам культурных влияний с постановкой вопроса о высших ценностях (Карен Хорни), но на психоаналитических традициях де-врождённости у людей «укорененности» и «индивидуализации» (Эрик Фромм) (в реальности речь идёт о противоположности ценности единства, Гармонии и необходимости индивидуальной социально-эгоцентрической адаптации к еще противоречивому социуму).

Интуитивный «*субъективизм*» многочисленных вариантов психоанализа был закономерно заменён «*объективизмом*» *бихевиоризма*, исследующего внешне наблюдаемые *стимул* и *реакцию* (**S** → **R**). Его наиболее ортодоксальные представители (сначала Джон Уотсон и Эдвард Торндайк, затем Беррес Скиннер и Эдвард Толмен) сделали попытку вообще исключить из поля внимания внешне не наблюдаемую психическую жизнь людей. Этот парадокс не мог не породить оппозиции в лице набирающей силу *когнитивной психологии*, исследующей, по крайней мере,

рациональное мышление людей. Так, Уильям Хантер, исследуя свойства памяти и обезьян, обогатил исходную формулу «объективной» психологии до уровня **S → память → R**. Аналогично Карл Лешли, занимаясь проблемами локализации психических функций, обогатил базовую формулу до уровня **S → психические функции → R**. Наконец, Дональд Хебб заговорил о мыслительных процессах (**S → психические функции: память и мыслительные процессы → R**). На этой основе возникла гештальтпсихология (Макс Вертгеймер, Вольфганг Кёлер, Курт Коффка), которая начала исследовать когнитивные феномены, связанные, прежде всего, с природой абстрактного мышления людей. Образно говоря, гештальт – это понятие, то есть целое, не сводимое к сумме частей (чувственных ощущений). И хотя Роджер Сперри еще с 1930-х годов занялся нейрофизиологическим исследованием межполушарных связей (то есть почвой для осмысления взаимосвязей между рациональным и эмоциональным мышлением людей), развивающаяся экспериментальная и интуитивно теоретическая психология оставалась в границах «2-й силы» односторонне когнитивной. Более того, на этой основе возникла наука об искусственном интеллекте (Джордж Миллер, Герберт Саймон, Аллен Ньюэлл), которая оказалась односторонним выходом из психологии в кибернетику. В границах же собственно психологии Жан Пиаже создал учение об онтогенетическом развитии когнитивных возможностей (причем, в зависимости от возрастного созревания биологической почвы, а еще не культурного развития ценностного мышления и интеллекта). Попыткой заткнуть зияющую дыру в выявлении и понимании эмоционального (оценочно-ценностного) мышления явились теория поля Курта Левина (выявляющая связь каждой личности не только с общественными /причем, конкретно-историческими/ установками, но и отношениями) и проблемы воспитания, поднимаемые Альбертом Бандурой.

В этих условиях на Западе возникает долгожданная «3-я сила» – *гуманистическая психология*, впервые обратившая внимание в условиях рационального западного менталитета на «высшие» эмоции людей. Первым о ценностном мире людей заговорил Гордон Олпорт в своей теории личностных черт. Однако высшие ценности изначально оказались *биологизированными*. Особенно ярко это проявилось в понятиях

«самоактуализации» (как высшей ценности в пирамиде ценностей Абрахама Маслоу) и «самореализации» (как высшей цели личностного развития в психотерапии Рэнсома Роджерса). Получается, что высшие ценности, как и низшие, определяются генофондом и надо лишь не мешать им развиваться в системе фасилитации (создании «тепличных условий»), а не в интериоризации извне системы (как прагматических, так и непрагматических) ценностей и истин. Исходное биологизаторство западной гуманистической психологии было несколько ослаблено экзистенциальными психотерапевтами (прежде всего, Людвигом Бинсвангером и Медардом Боссом), заговорившими о «*бытии-в-мире*». Это направление динамики гуманистической психологии, с одной стороны, реализовалось в близости религии (Джеймс Бьюдженталь, Ирвин Ялом, Ролло Мэй) в силу еще не понятого объективного противоречия между эмоциональными и рациональными типами мышления людей, с другой – в разработке системы ценностей и смыслов (Виктор Франкл, Альфред Лэнгле), которые, оказывается, находятся в «противовесе» (а точнее, в объективном противоречии) между собой. Последний вывод – это интуитивное предвидение гносеологических (как и онтологических) противоположностей, которые могут быть выявлены только на основе зрелой диалектической методологии.

Таким образом, результатом эволюции западной психологии является некоторое движение от абсолютизации низших потребностей, отказа от исследования «непостижимой психики», одностороннего когнитивизма и биологизации высших ценностей людей в сторону культурно-исторической (особенно у «поздних неопрейдистов») и преддиалектической (особенно у поздних представителей гуманистической) психологии.

На Востоке (прежде всего в Китае) *этическая философия*, основанная на системе (почти отсутствующих в западной психологии) эмоциональных ценностей (вне выявления их внутренней противоречивости) во взаимодействии с конфуцианством (как прагматическим рациональным объяснением необходимости укрепления государства), родилась с глубокой древности, но оставалась актуальной на протяжении тысячелетий вплоть до сегодняшнего дня. В соответствии со стадийностью социальной эволюции в

Китае можно выявить 3 периода эволюции этической философии («ценностной психологии»):

- **конфуцианство** (на стадии предклассовой государственной общины);
- **неоконфуцианство** (на стадии регионального классового феодализма);
- **пост(нео)конфуцианство** (на стадии постклассового авторитарного социализма).

В каждом из этих периодов совершались один или несколько круговоротов этической философии, сущностью которого была смена приоритетов гносеологических противоположностей (противоречащих друг другу ценностей и истин) на основе попыток выявления «истины» и «лжи» (вместо понимания односторонней истинности каждой гносеологической противоположности в период объективной противоречивой социальной эволюции). Разница между названными периодами развития китайской этической философии состоит в том, что:

- в период конфуцианства каждый философ был приверженцем определённой гносеологической противоположности;
- в период неоконфуцианства каждый философ пытался синтезировать все (уже неустранимые) гносеологические позиции, но с очевидным приоритетом опять-таки определённой гносеологической противоположности;
- в период пост(нео)конфуцианства каждый философ пытался аналогично синтезировать не только восточные, но и западные ценности.

На додиалектической основе все учения были обречены на односторонность и эклектику, преодолеваемые только на основе диалектической методологии в представлении об эволюционном развитии, а затем изживании всей системы и онтологических, и гносеологических противоположностей.

Началом китайской (причём, не только этической) философии явился даосизм Лао-цзы. На интуитивно теоретических основаниях древнекитайский мыслитель высказал (по сути, преддиалектическую!) мысль, что природа и общество идут по определённому (то есть предначертанному законами) *дао*-«пути» в полной независимости от стремлений и воли людей (хотя и осуществляясь через них). Более того, он опирался на

древнекитайскую идею о противоречии между *инь* и *ян*, которые на интуитивистской основе заменяли собой десятки и сотни реальных противоположностей Бытия (бытия и сознания). Кроме того, Лао-цзы (также интуитивистски) обосновал категорию *дэ* «человечности», в которой обобщены высшие ценности вне различения внутреннего противоречия между ценностями Гармонии, Подвига («благородного насилия»), (преимущественно иррационализированного) Гуманизма, справедливости и, тем более, потребительства и прочих прагматических ценностей.

На смену непрагматическим идеям Лао-цзы приходит *центральное учение восточной философии* – **конфуцианство**. Основная идея Конфуция – уже прагматическая *необходимость укрепления государства, которое является «семьёй»* и для «верхов», радеющих о «низах», и для «низов», почитающих «верхи» и неуклонно им подчиняющихся. Однако неумолимая реальность выявляла неустранимую конфликтность общественных отношений.

В этих условиях возникло этико-эстетическое учение Мо-цзы, разработавшего этическое прагматическое учение о необходимости всеобщей, беспристрастной любви с опорой на ценностное мышление (в котором при всеобщей ориентации на государственность изначально не могли быть различены эстетическое и героическое, а также прочие типы эмоционального мышления).

В качестве реакции на утопичность моизма в древнем Китае возник легизм (достигший максимума в жизни и деятельности Шан Яна) – жесткое политическое учение о тоталитарном государстве, карающем за неповиновение представителей и «низов», и даже «верхов», поощряющем систему доносов и усиливающим налоговый режим.

Кульминация негативности в общественных отношениях закономерно привела мыслителей сначала к пессимизму и агностицизму Чжуан-цзы, затем к новому утверждению значимости ценностного мышления в очередном этическом учении Мен-цзы (так же без различения его эстетического, героического и пр. вариантов ценностного мышления).

Наконец, при переходе китайского общества от государственной предрабовладельческой общины (с иноплеменным рабством) к региональной классовой

общине (феодализму) со скачком через стадию межгосударственного рабовладельческого рынка впервые возникла нетипичная для китайской философии ориентация на материалистическое эмпирическое мышление (Ван Чун).

Завершением первого «круговорота» этико-эстетических учений в предрабовладельческом Китае явились воззрения Сюнь-цзы, характеризующиеся мировоззренческим синтезом всех накопленных достижений. Стало ясно, что в каждом направлении этико-эстетической мысли есть своя (на языке диалектики «односторонняя») истина, полностью игнорировать которую уже невозможно. Поэтому дальнейшие круговороты эстетической мысли оказываются (вне диалектики эклектическим) синтезом конфуцианства, даосизма, моизма, легизма с аналогичной первому круговороту переменной доминирования то одной, то другой стороны.

На стадии регионального классового феодализма противоречия между гносеологическими противоположностями достигли не только зрелости (с ясностью их дедуктивных и индуктивных типов), но и кульминации на основе общественной классовости. В новых условиях эксплуатации китайцев-крестьян китайцами-феодалами (в отличие от прежнего иноплеменного рабства) сами китайцы стали носителями оппозиционных идеологий и массового этического мышления (основанного на ценности справедливости), выражающихся в крестьянских волнениях, восстаниях и даже войнах. Это обстоятельство повлекло за собой и другое следствие – значительную утрату доверия к конфуцианству (как «религии без богов» в условиях общинных отношений) и его дополнение иррационализированным буддизмом, ищущим спасение от страдания в уже антагонистических общественных отношениях. Поэтому в Китае, с одной стороны, появились широко известные буддийские проповедники (например, Сюань-чжан), с другой – защитники традиционного конфуцианства, стремящиеся адаптировать это учение к новым условиям.

Так, первый неоконфуцианец (то есть представитель синтетического конфуцианства эпохи феодализма в Китае) Хан Юй – последователь Мо-цзы и Мен-цзы – считал основополагающими составляющими конфуцианской морали не только жень (человечность, гуманность), а также и (долг/справедливость). Этот взгляд

свидетельствует о неразличении противоречащих друг другу прагматических и непрагматических типов как ценностного, так и рационального мышления людей.

В центре неоконфуцианского учения Ли Ао была (так же эклектическая) попытка синтеза конфуцианства и буддизма.

Своей зрелости феодальное неоконфуцианство в Китае достигло в учении Чжу Дуньи. Выдающийся китайский мыслитель на основе интуитивного теоретического мышления попытался связать конфуцианство с космологическими проблемами, прежде всего, в идее «великого предела» (предвосхищающей и теорию Большого Взрыва, и диалектику) вне системы эмпирических наук, наименее значимых для восточного менталитета.

В очередной раз в этическую сторону сдвигают неоконфуцианство братья Чэн Хао и Чэн И, а затем (после очередных попыток сначала Чжу Си, затем Вана Фучжи в направлении укрепления государственности) представители «школы сердца» Лу Цзююань и Ван Янмин. Им был противопоставлен материализм Дай Чжэня.

Заканчивается круговорот неоконфуцианских учений в феодальном Китае исканиями и трудами Кана Ювэя, первым предпринявшего попытку синтеза конфуцианских ценностей с ценностями Запада. В попытках найти «всеобщий закон» общественного развития Кан Ювэй эклектически соединяет восточные и западные ценности без понимания их диалектического соотношения, основанного на противоречии. Этим качеством эклектики (минующей причинно-следственное понимание социальной эволюции) характеризуется всё китайское уже **пост(нео)конфуцианство**, стремящееся интегрировать («соединить несоединимое») западную экономическую эффективность с традиционными этическими ценностями конфуцианства (реже буддизма).

Так, первым представителем пост(нео)конфуцианства общепринято считается Лян Цичао, создавший утопию перехода общества в общество Да Тун («Великое единение») на основе сначала либерального реформизма, затем – «конфуцианской религии».

На позиции усвоения западных исключительно научно-технических технологий стоял Чжан Чжидун.

Лян Шу-мин создал трёхзвеньевую модель истории, финалом которой являлись сначала всеобщее погружение в нирвану, а затем западная демократия в эклектическом соединении с конфуцианством.

Осмысление нереальности предлагаемых путей эволюции общества Китая и Мира в целом привело к очередной активизации агностицизма. На такой позиции с программой «среднего политического курса» (противоречивого сочетания западных ценностей с конфуцианством) стоял Чжан Чжюньмай.

Очевидная невозможность политиков полноценно управлять общественным развитием привели к новому усилению утверждения (не зависящего от активности людей) принципа внутренней детерминации, восходящего к даосизму Лао-цзы. Эту интуитивно теоретическую позицию развивал Сюн Ши-ли, как бы завершающий первый круговорот пост(нео)конфуцианских учений.

В новое качество китайское пост(нео)конфуцианство вошло в динамике поисков общепризнанного «отца нации» начала XX века Сунь Ятсена. Этот китайский мыслитель в эпоху изживания антагонистической фазы социальной эволюции прошёл путь от реформизма до радикализма, от либерализма до марксизма. Последователями Сунь Ятсена оказались, с одной стороны, убеждённые пост(нео)конфуцианцы-«западники», пытающиеся объединить китайское конфуцианство с... достижениями рыночной экономики, с другой – коммунисты, оказавшиеся в первой половине XX века наиболее созвучными конфуцианским (командно-административным) ценностям.

К китайским пост(нео)конфуцианцам-«западникам» относятся:

- Фэн Юлань, пытающийся осуществить (конечно, додиалектический) синтез конфуцианства с формальной логикой (без понимания противоречия между научным и ценностным мышлением людей);
- Хэ Линь, толкующий конфуцианство в качестве рационализированной истины и «демократизма конфуцианского типа»;
- Ху Ши, Цань Му, Моу Цзунь-сань, Тань Цзюнь-и, Сюй Фу-гуань, выступающие за синтез конфуцианства с (диалектически противоречащими ему!) либерально-демократическими идеями.

Вполне закономерно, что данные мыслители оказались не поддержанными восточным этически ориентированным менталитетом большинства населения. Наоборот, вопреки мнению либеральных идеологов, и в политике, и в науке, именно идеи марксизма, выступающего за отрицание изживающихся (государственно ещё не регулируемых) рыночных отношений, в условиях восточного (командно-административного) менталитета оказались наиболее созвучными общественному сознанию китайского этноса (как и в общинно-православной России). На этой основе совершился очередной скачок из феодальной стадии социальной эволюции в авторитарно-социалистическую, почти минуя рыночную экономику (за два десятка лет тщетной попытки утверждения буржуазно-демократической республики в Китае). На этой волне в Китае вспыхнули имена преданных своей идее и поныне почитаемых коммунистов (например, Ли Дачжао, Цюя Цюбо), отдавших жизнь за (увы, ещё утопичную) попытку построения «коммунистического общества».

Однако стадия авторитарного социализма, будучи лишь 7-й стадией социальной (да ещё не гносеолого-онтологической, а только) онтолого-гносеологической саморегуляции, неизбежно двинулась к кризису, заключающемуся (как и в СССР, но с задержкой на два десятилетия) в развитии тоталитаризма и бюрократизма. Миновать этого макроэволюционного кризиса невозможно, потому что массовые настроения революционной интеллигенции и большинства населения страны не могут быть мгновенно отменены, а отживаются в очередном кризисе командно-административной организации общественных отношений. В Китае изживание авторитарно-социалистических идеалов осуществил Мао-цзедун. Будучи лидером авторитарного социализма, он был вынужден заниматься эскалацией насилия до тех пор, пока реальные бедствия ни привели в общественном сознании к размыванию (первоначально прогрессивной, затем регрессивной) революционной идеологии. Поэтому коммунисты, выступающие против нарастания тоталитаризма, были репрессированы (например, Чэнь Дусю), а сторонники рыночных реформ (во главе с Дэн Сяопином) были в опале до тех пор, пока революционная идеология ни потерпела полного фиаско. Так возникли условия для введения в стране многовекового одностороннего командно-административного

управления рыночной экономики – 8-й стадии социальной эволюции (при этом «по-китайски», с сохранением командно-административного управления в важнейших отраслях промышленности и хозяйства).

Закономерно, что в Китае вновь ожило западничество с его очередной идеей синтеза конфуцианства с западными рыночными ценностями. Это, современное, направление китайской этико-эстетической философии ведет к систематическому получению преддиалектических выводов (Чэн Чжун-ин, Ду Вэй-мин, Чэнь Юнцзе). Эти выводы ведут к тому, чтобы наконец осмыслить необходимый путь социальной эволюции в чередовании и постадийном изживании несовместимых друг с другом как рыночной экономики (сочетающейся в противоречивом социуме с аморальной свободой), так и командно-административного управления (сочетающегося в противоречивом социуме с моральным догматизмом) до уровня устойчивого воспроизводства единства объективных ценностей и объективных знаний в общественном сознании человечества и общественной собственности (с прецедентом индивидуальной, но не частной) в его бытии в 9-ти стадиях еще предстоящего этапа социальной уже гносеолого-онтологической саморегуляции (направленной на постижение путей гармонизации Бытия /сознания и бытия/).

Таким образом, значимость китайской этико-эстетической философии для теоретической психологии определяется поиском смыслов индивидуальной и общественной жизни по всему спектру, прежде всего, эмоциональных (оценочно-ценностных и государственного) типов мышления вне выявления их реальных диалектических взаимодействий.

Путь развития отечественной (российско-советской) психологии оказался вершиной эволюционной пирамиды, потому что органично впитал в себя и западный эмпирический, и восточный этический компоненты. Более того, обостренная критичность к крайностям как рыночной, так и командно-административной идеологиям способствовала развитию уникальной этико-эстетической философии, (теологически и нетеологически) опирающейся на высшие ценности. Таким образом, эволюционный путь (так же додиалектической) отечественной психологии представляет собой три линии:

- естественнонаучную **нейрофизиологическую**, направленную на изучение материального носителя сознания;
- естественнонаучную **философскую**, направленную на осмысление взаимосвязей между общественным сознанием и общественным бытием в процессе образования личности;
- **этико-эстетическую**, направленную на осмысление Бытия (бытия и сознания) с позиции высших ценностей.

На додиалектических основаниях все три линии остро противоречили друг другу. Но зато именно на их (до сих пор противоречивом) единстве отечественная психология изначально имела предкультурно-исторический и уже культурно-исторической, а также преддиалектический и всё более диалектический характер.

Естественнонаучная **нейрофизиологическая** линия отечественной психологии началась с утверждения М.В. Ломоносова, что все мысли и «страсти» людей являются следствием работы мозга, реагирующего на «внешние изменения». В этом предкультурно-историческом утверждении, предвосхищающем идею интериоризации знаний людей извне, наметилась и «ахиллесова пята» всей последующей преимущественно когнитивной психологии, состоящая в недопонимании, что «страсти» (то есть ценностное мышление) людей отчасти порождаются и изнутри на основе врождённой дипольности эмоционального восприятия. Однако если низшие эмоции и потребности врожденные, то средние (социально-эгоцентрические) и высшие (этико-эстетические) – осваиваются прижизненно на основе отношенческих моделей старшего поколения. А поскольку (прагматические и непрагматические) ценности разных уровней противоречат не только (также прагматическим и непрагматическим) рациональным истинам, то эмоции, как правило, либо устраняются из когнитивно направленной психологии, либо становятся источником (порой иррационализируемой) этико-эстетической философии в полном отдалении от естественной (и эмпирической, и теоретической) науки. Эволюционное преодоление этих крайностей превращает отечественную культурно-историческую психологию в преддиалектическую, а в уже недалёкой перспективе – в полноценно диалектическую.

Своей зрелости (и одновременно механистической односторонности) нейрофизиологическая линия российской психологии достигает в исследованиях и воззрениях И.М. Сеченова, который, эмпирически открыв тормозные центры, управляющие волей, представил нервную систему как «мозговую машину», один придаток которой – это тормозной центр, второй – субстрат чувств и побуждений, третий – память, четвёртый выполняет «предупредительную роль». На этой основе великий русский литературный критик В.Г. Белинский высказал «антропологический постулат», согласно которому все (включая нравственные и волевые) свойства личности зависят исключительно от рефлексов. В свою очередь, М.М. Троицкий критиковал теоретическое мышление («нетерпеливые умы») в пользу эмпирического («терпеливые умы»).

Дальнейший ход развития нейрофизиологической линии пролегал через постепенное преодоление исходно заданной механистичности психологии. Так, Н.Н.Ланге (минуя значение ценностного мышления) создал моторную теорию внимания как *«целесообразную реакцию организма, моментально улучшающую условия восприятия»*, а также заменил исходное понятие о рефлексе как своего рода «дуге» схемой «кольца» – совокупности структур нервной системы, участвующих в осуществлении рефлекса и обратной передаче информации о характере и силе рефлекторного действия в центральную нервную систему. Более подробно рефлекторное кольцо впоследствии разработали сначала Н.А. Берштейн, а затем П.К. Анохин. Колоссальным этапом преодоления нейрофизиологической механистичности стала *теория (нейрофизиологической и психической) доминанты* А.А. Ухтомского как господства того или иного очага в нервной системе, причём применительно не только к отдельным действиям, но личностным особенностям людей. Параллельно в сравнительной психологии вышли труды В.А.Вагнера, который эмпирически обосновал этапные эволюционные скачки между одноклеточными микроорганизмами и многоклеточными животными, а также фазовый скачок между таксисной организацией психики беспозвоночных и рефлекторной организацией позвоночных животных. Несколько позже А.Н. Северцов аналогично обосновал скачок от рефлекторных форм деятельности и поведения животных к довербальным эмоциям и интеллекта (особенно

высших) млекопитающих. Это достижение выявило, что исследования И.П. Павлова и В.М. Бехтерева рефлекторной организации психики людей оказалось направленным лишь на периферию их психических возможностей. Наконец, представления А.Р. Лурии о прижизненно формирующихся, развивающихся и изменяющихся (во взаимодействиях с окружающими природой и обществом) динамичных церебральных системах положило конец противоречию между двумя естественнонаучными (нейрофизиологической и философской, достигшей полноценного культурно-исторического качества) линиями. Однако прежде, чем говорить о эволюционной динамике естественнонаучной философской линии, остановимся на уникальном феномене российско-советской психологии – этико-эстетической философии (ее 3-й линии) как противоположной крайности относительно нейропсихологической линии отечественной психологии.

Действительно, *этико-эстетическая философия*, отторгая значение нейрофизиологии, последовательно отталкивалась от (теологизированных или нетеологизированных) высших ценностей.

Родоначальником нетеологизированного варианта российской этико-эстетической философии был Я.П. Козельский, который, опираясь на абсолютные нравственные ценности, говорил о неких идеальных экономических условиях, преодолевающих классовость и вообще общественное неравенство, а также о естественных правах каждого человека. Однако эта утопия была провидением весьма отдалённого будущего человечества (на основе изживания противоречивости и общественного бытия, и общественного сознания). К этому же варианту можно отнести и мировоззрение Л.Н.Толстого, который, вопреки своей нецерковной религиозности, говорил, как великий художник, о высших эстетических ценностях (идеале Гармонии), на фоне которых не только прагматическое сознание людей, но даже и наука (направленная на прояснение причинно-следственных оснований Бытия /бытия и сознания/) оказываются «ложью», «обманом».

Лидером теологического варианта отечественной этико-эстетической философии явился В.С. Соловьёв – основатель «мистицизма», обосновывающего духовную эволюцию нравственности в направлении «всеединства». Можно сказать, что это хорошо

осмысленная цель социальной эволюции, но без понимания ее (увы, противоречивого) пути. Аналогично Ю.Ф. Самарин отрицал зависимость поведения от внешних условий, доказывая, что такое подчинение свидетельствует о пассивности души, об отсутствии у нее свободы воли. Это убеждение является следствием неразличения макроэволюционных изменений, независимых от воли людей, и микроэволюционных изменений, в которых человек может свободно выбирать любую роль (в границах конкретно-исторических возможностей). До крайности теологический вариант этико-эстетической философии довел А.А. Козлов, который утверждал, что религиозные ценности являются «верховой истиной, объемлющей результаты всех наук» (в реальности этим качеством обладает только диалектическая методология – высший результат теоретического мышления). Сведением науки к вере и соответственно агностицизмом характеризуются воззрения А.И. Введенского. Наоборот, попытку научно обосновать веру предпринял изобретатель и священник П.А. Флоренский, утверждая, что отрицательный результат опыта Майкельсона-Морли на поимку эфирного ветра есть доказательство неподвижности Земли (с небесной твердью на уровне орбит Плутона и Урана), что за пределами световых скоростей существует потусторонний мир и т.д. Н.О.Лосский выдвинул идею обладающих внутренней свободой «субстанциональных деятелей», коими являются все не только субъекты, но и объекты бытия. Выбор в сторону единства порождает позитивное развитие (например, переход атомов в молекулы), выбор в сторону вражды порождает грех, деструкцию. В этом воззрении абсолютизируется случайность и игнорируются строгие эволюционные закономерности (потенциально выявляемые исключительно диалектической методологией). Наконец, С.Л. Франк пришел к выводу, что всякое причинно-следственное обоснование Зла есть его оправдание, что обесценивает науку (на деле же речь идет о наличии объективных как онтологических, так и гносеологических противоположностей).

Кульминацией теологического и нетеологического вариантов отечественной этико-эстетической философии явились воззрения соответственно Н.А. Бердяева и Г.Г. Шпета. Н.А. Бердяев, критикуя «принудительную социальность» и восточных, и западных идеологий, противопоставлял им «соборность» как «эсхотологическую направленность».

Это то же, как и у В.С. Соловьёва, ценностное осмысление цели социальной эволюции, но без понимания реальных путей достижения этой цели, однако с преддиалектической попыткой их рационального осмысления. Г.Г. Шпет четко выразил смысл высокого искусства как полноценного эстетического угла зрения на людей и события.

Далее этико-философская линия становилась всё более и более преддиалектической. Так, Д.С. Лихачёв, понимая неустранимость и значимость прагматических конкретно-исторических ценностей, противопоставлял им «экологию культуры» со стороны истинных деятелей искусства и науки, выраженную в «12-ти заповедях». Литературовед М.М. Бахтин, осмысливая произведения М.Ф. Достоевского, высказал концепцию полифонизма, состоящую в том, что каждый из героев русского классика литературы был носителем идеи, противоположной идеям других героев. Эта концепция является провидением гносеологических противоположностей в сознании людей. А.А. Гуссейнов указал на диалектику «золотого правила нравственности» (поступай с другими так, как бы ты хотел, чтобы они поступали с тобой) и талиона (на принципе жесткой справедливости «зуб за зуб»), а Л.Н. Столович ввел в научный обиход понятия «субъективные оценки» (зависящие от переменчивых настроений людей) и «объективные ценности» (уже не зависящие от них).

Таким образом, была создана основа для применения диалектической методологии к гносеологии, по крайней мере, по параметрам «чувство – разум» и «прагматика – непрагматика». Полноценно же решить эту задачу (уже по всем параметрам) возможно только на средней – естественнонаучно философской – линии.

Естественнонаучная философская линия российской психологии ярко проявилась уже с конца XIX столетия. Поскольку количество ее представителей огромно, остановимся на самых ключевых из них, оказавших максимальное влияние сначала на усиление и утверждение культурно-исторических, а затем и диалектических принципов.

Так, А.Н. Радищев был первопроходцем в области интуитивного *эволюционизма*. Он разделял психические возможности живых организмов на 3 уровня: раздражимость, чувствительность и «мыслительность», а в качестве отличительных качеств людей видел прямохождение, развитие руки, речи, мышления, более долгий период созревания,

способность к сопереживанию и общественное житие. При этом его воззрения характеризуются дуализмом как утверждением, с одной стороны, обусловленности всех психических процессов функционирование нервной системы, с другой – независимости души (иррационально понимаемой эмоциональной сферы психики людей) от тела.

Наиболее ярким предшественником культурно-исторических принципов в психологии был К.Д. Кавелин, который утверждал сложность этико-эстетических и интеллектуально-волевых проблем в жизни людей, вытекающих не столько из нейрофизиологических взаимосвязей нервной системы (которые он не отрицал), а из взаимодействия сознания людей с окружающим их (прежде всего общественным) бытием.

К.Н. Вентцель – идеолог «свободного воспитания» – говорил (в отличие от более поздних представителей западной гуманистической психологии) о врождённости людям не личностных особенностей, а абсолютной нравственности (что соотносится с семейно-стадной биологической природой людей и их потенциальной возможностью при полноценной реализации дипольности эмоционального восприятия осмысления объективной ценности Гармонии), понимая при этом, что для преодоления прагматических (потребленческих, идеологических и т.д.) тенденций, необходима не фасилитация (создание «тепличных условий» для «самореализации»), а целенаправленное воспитания, основанное, в частности, на примере поведения старшего поколения.

Кульминацией в становлении культурно-исторических принципов психологии являются воззрения Л.С. Выгодского, который чётко отделил друг от друга врождённую *биологическую почву* (пол, текущий возраст, темперамент, конституцию, внешние данные, особенности формирования органов) и прижизненно приобретаемое *культурное содержание* (все интеллектуальное, нравственное и волевое). Высшие психические функции Л.С. Выготской связывал со знаковой системой (то есть способностью людей к абстрактному мышлению), но при этом вне понимания сущности и значимости абстрактного эмоционального (оценочно-ценностного) мышления он оставался додиалектическим психологом, далёким от осмысления эволюции общественного

сознания (симметричной эволюции общественного бытия) и представителем одностороннего когнитивизма.

Зато ярким (и первым!) представителем преддиалектической психологии оказался А.А. Ухтомский, утверждающий, что наше мышление является «двуединным проектированием», отражающим, какими предметы и явления «являются» (соответственно реальности) и какими «должны быть» (соответственно нашим желаниям). Этот тезис был развит С.Л. Рубинштейном в представлении о «противоположности рациональной и аффективной» сфер психики. Однако это преддиалектическое утверждение не привело к выявлению всей системы гносеологических противоположностей, да еще и на основе системного применения к сознанию людей всех 3-х законов диалектики. Зато в *теории деятельности* С.Л.Рубинштейна и *деятельностной теории* А.Н. Леонтьева был успешно преодолен односторонний марксистский тезис: «Общественное бытие определяет общественное сознание». Оказывается, вопреки этому тезису, человек – существо активное, что проявляется, по крайней мере, в деятельности, но, увы, пока ещё не в поведении, где критический подход оказывался неуместным по идеологическим соображениям (по этим же соображениям психология продолжала оставаться преимущественно когнитивной с нарастающим на ее периферии поиском жизненных смыслов).

С одностороннего когнитивизма советскую психологию сдвинула практика выдающихся педагогов практиков, которые создали метод воспитания через молодёжный коллектив на ценностях либо религии (Н.Н. Неплюев, С.А. Рачинский), либо искусства и труда (С.Т. Шацкий, В.Н. Сорока-Росинский), либо прогрессивной идеологии и труда (М.С.Погребинский, А.С. Макаренко). Центральной задачей этих педагогов оказалась перестройка отношений. И действительно, в теоретической психологии возникли (уже не онтологически, а) гносеологически ориентированные теория установок К.Д. Узнадзе и теория отношений В.Н. Мясищева. До сих пор соотношение между этими теориями не прояснено. Между тем, диалектический подход выявляет, что в обоих случаях мы имеем дело с приоритетами между 12-ю гносеологическими противоположностями, но в первом случае с точки зрения рационально-волевого («Я понимаю», «Я должен»), а во втором –

эмоционально-нравственного («Я переживаю», «Я хочу, стремлюсь») мышления. Однако пока все противоположности бытия и сознания не выявлены и не осмыслены их макроэволюционные этапность и цель, достоинства теории установок и особенно отношений проявляются на уровне исключительно микросоциальных проблем, то есть преимущественно в медицинской и в меньшей степени в педагогической психологии.

В развитии преддиалектических тенденций психологии обращают на себя воззрения Б.С. Братуся, который выделил три уровня эмоций и потребностей: врождённые «низшие» (физиологические), приобретаемые «средние» (социально-эгоцентрические, направленные на адаптацию людей к противоречивому социуму, врождённые и приобретаемые «высшие» (этико-эстетические, направленные на преодоление противоречий в микро-, а в отдалённой перспективе и макросоциуме). Кроме того, Б.С. Братусь поднял вопрос о «вольтовой дуге» между (еще недостижимыми, но значимыми) «дальними» и (достижимыми, но еще неполноценными) «ближними» целями. В перспективе этот механизм перспективен для всех пар гносеологических противоположностей.

Пониманию двусторонних взаимодействий между общественным бытием и общественным сознанием способствует понимание А.К. Абульхановой-Славской индивида как субъекта психической деятельности в связи с объективными особенностями его жизнедеятельности.

Казалось бы, к 1990-м годам созрели все предпосылки для применения в психологии диалектической методологии. Однако изживание 7-й стадии глобально-регионального авторитарного социализма и его временная (на 27 лет) замена 8-й стадией глобально-межрегионального государственно регулируемого капитализма в России привели к оживлению традиций западной психоаналитической и гуманистической традиций с отходом не только от диалектики, но и от культурно-исторических традиций.

Сегодня, когда 8-я стадия вошла в очередной кризис и на ее смену пришла 9-я (последняя в условиях онтолого-гносеологической саморегуляции) стадия, направленная на достижение общепланетарного многополярного справедливого мира (с завершением к 2030-м гг. ускорения сроков развития живой материи), ожидается переход социальной

эволюции на макроэтап гносеолого-онтологической саморегуляции (когда люди начнут учиться процессу гармонизации сначала социума, затем биоценозов и биосферы в целом). В этот перспективный момент открываются все возможности для полноценного привнесения в философию (а значит в гносеологию и психологию) диалектической методологии в системе ее трех законов.

Список литературы

1. Чедия К.О. Теоретическая психология. Т.1. Методологические основы теории психологии. 2020. // https://chedia.rf/Теоретическая_психология.Том1.pdf
2. Чедия К.О. Теоретическая психология. Т.2. Достоинства и ограниченность классических концепций теоретической психологии. Западная психология. 2020 // https://chedia.rf/Западная_психология.Том2.pdf
3. Чедия К.О. Теоретическая психология. Т.3. Достоинства и ограниченность классических концепций теоретической психологии. Восточная (китайская) психология. 2020 // https://chedia.rf/Восточная_психология.Том3.pdf
4. Чедия К.О. Теоретическая психология. Т.4 (в 2-х частях). Достоинства и ограниченность классических концепций теоретической психологии. «Промежуточная» («восточная» на вершине эволюционной пирамиды) российско-советская психология. 2020 // https://chedia.rf/Промежуточная_психология.Том4-1.pdf; https://chedia.rf/Промежуточная_психология.Том4-2.pdf

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.**

**К ВОПРОСУ О СУЩЕСТНО-
СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ ПОНИМАНИИ КОНСТРУКТА
«ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»**

Ю. А. Клейберг

(Тверь, Россия)

Информация об авторе: *КЛЕЙБЕРГ Юрий Александрович*, основатель научного направления в российской психологической науке «Психология девиантного поведения», лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в области образования и науки. Основатель и президент-ректор Академии Национального образования и науки, Международной Ассоциации девиантологов, Международной академии ювенологии. Академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор. ORCID: 0000-0001-6757-0102. E-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

---

Аннотация. В статье автор выдвигает дискуссионные вопросы, предполагающие аргументацию в пользу реального существования эмоционального интеллекта, его сущностно-содержательного научного наполнения. Выдвигается авторская позиция по данной проблеме.

Ключевые слова и словосочетания: эмоция, интеллект, психика, эмоциональный интеллект, конструкт, сущность и содержание понимания эмоционального интеллекта.

**ON THE QUESTION OF THE ESSENTIAL-CONTENT UNDERSTANDING OF
THE CONSTRUCTION "EMOTIONAL INTELLIGENCE"**

Professor Yury A. Kleyberg

(Tver, Russia)

Information about the author: *Professor Yury A. KLEYBERG*, founder of the scientific direction in the Russian psychological science "Psychology of deviant behavior", laureate of the State Prize of the Government of the Russian Federation in the field of education and science. Founder and President-Rector of the Academy of National Education and Science, International Association of Deviantologists, International Academy of

Annotation. In the article, the author puts forward debatable questions that suggest arguments in favor of the real existence of emotional intelligence, its essential-content scientific content. The author's position on this issue is put forward.

Keywords and phrases: emotion, intellect, psyche, emotional intelligence, construct, essence and content of emotional intelligence understanding.

**«Управляй своими эмоциями,
иначе твои эмоции будут управлять тобой»**

**Публилий Сирус,
латинский писатель, 85-43 гг. до н.э.**

Предисловие.

Феномен эмоционального интеллекта не перестает вызывать научный интерес у исследователей, и сегодня он является современным научным трендом многих наук, расширяя, тем самым, сущностно-содержательное и смысловое содержание понятия «эмоциональный интеллект».

В последнее время мне задают вопрос, «как я отношусь к эмоциональному интеллекту?». Отвечаю: «Никак» и поясняю. Здесь больше вопросов, чем ответов.

Дело в том, что я не понимаю, что это такое. Меня очень смущает словосочетание «эмоциональный интеллект». Эмоция – не интеллект! Она не наделена интеллектом. По-моему, это искусственно придуманный конструкт. Есть психика, есть интеллект – и ВСЁ! Все остальное производное, частное. Тем не менее, попробуем разобраться.

Постановка проблемы.

Идея единства эмоционального и рационального в человеке возникла не сегодня и не на пустом месте, она зародилась еще в древних философских и религиозных учениях, и даже в фольклоре – народной мудрости (от англ. folk+lore — «народная мудрость»).

Вспомним тезис древнегреческого философа и ученого Аристотеля: *«Нет ничего в интеллекте, чего не было бы сначала в чувствах»*.

Однако напомним также, что древнекитайская философская система Конфуция (около 2700 года до н. э.) уже выявила роль определенных движений для укрепления здоровья и развития ума. А основной целью древнеиндийской йоги, как известно, являлось обретение высших психофизических способностей; в йоге главное – взаимосвязь аффективных и интеллектуальных процессов с духовным развитием человека. Конечной целью йоги является преобразование положительных эмоций в трансцендентные переживания.² При этом под интеллектуальным развитием понимается вовсе не получение новой информации, а *нахождение смысла в переживании*. И, как видно, в этих системах речь не идет об эмоциональном или каком-либо другом интеллекте.

И вопрос: что первично — разум или чувства – тоже не нов и до сих пор открыт. Хотя существующую тесную взаимосвязь эмоций и разума, никто не отвергает. Согласно Л.С. Выготскому, *развитие эмоций идет в направлении их осознания*. И еще: *«Всякая эмоция есть функция личности»* [4, с. 280]. О единстве эмоционального и рационального писали также корифеи психологии С.Л. Рубинштейн, А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник, О.К.Тихомиров, А.В. Брушлинский и др.

Для наглядности дискурс-анализа конструкта «эмоциональный интеллект», мною отобраны несколько диссертационных работ, посвященных исследованию различных аспектов эмоционального интеллекта, которые иллюстрируют отсутствие единой аргументации и концептуализации данного конструкта.

Так, *И.Н. Андреева* (2012) отмечает, что среди определений эмоционального интеллекта выделяются следующие:

✓ способность понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе интеллектуального анализа и синтеза;

---

² *Трансцендентный*: (1) запредельный, находящийся по ту сторону реальностей, познание которых возможно эмпирически и рационально; (2) принадлежащий объективным духовным основам бытия, сверхсубъективный.

✓ совокупность эмоциональных, личностных и социальных способностей, которые оказывают влияние на общую способность человека эффективно справляться с требованиями окружающей среды;

✓ совокупность взаимосвязанных эмоциональных черт, которые отражают типичный способ обработки информации, связанной с эмоциями, и реакции в ситуациях с эмоциональным контекстом (Цит. по [3]).

Ю.В. Давыдова (2011) выявила сущность эмоционального интеллекта в подростковом возрасте, его признаки, функции и особенности проявления с учетом внешних (социальное окружение) и внутренних (поло-ролевые и возрастные особенности) факторов. Факторный анализ позволил ей выделить в структуре старшего подросткового возраста два фактора: *внешний* – «понимание эмоций» и *внутренний* – «эмоциональная саморегуляция». Эмоциональный интеллект понимается Ю.В.Давыдовой как интегральная категория в структуре интеллектуальной и эмоционально-волевой сферы личности, определяющая успешность деятельности, а также процессов внутриличностного и межличностного взаимодействия, представляющая собой совокупность таких сущностных признаков, как способность к пониманию и управлению собственными эмоциями и эмоциями других людей, эмоциональную осведомлённость, эмпатию (сопереживание), способность к самомотивации [7, с. 11].

Т.С. Киселева (2014) определила роль эмоционального интеллекта как ресурса в регуляции жизни человека, а также выявила возможность развития эмоционального интеллекта у взрослых. Понятие эмоционального интеллекта получило, как ей кажется, новое определение – как способность перерабатывать информацию, содержащуюся в эмоциях: определять значение эмоций, их связи друг с другом, использовать эмоциональную информацию в качестве основы для мышления и принятия решений [9, с.18].

Т.В. Манянина (2010) выявила особенности репрезентации и функций эмоционального интеллекта в структуре психологической культуры личности. Согласно Д.В. Люсину (2006), диссертант полагает, что эмоциональный интеллект представляет

собой конструкт, имеющий двойственную природу: с одной стороны, он связан с когнитивными способностями, а с другой стороны – с личностными характеристиками, которые прямо влияют на уровень и индивидуальные особенности эмоционального интеллекта [11, с. 10].

И.Н. Мешерякова (2011) раскрыла психолого-педагогические условия развития эмоционального интеллекта будущих психологов в процессе обучения их в вузе. Эмоциональный интеллект студентов-психологов, по ее мнению, является сложным интегративным образованием, включающим в свою структуру когнитивный, поведенческий и собственно эмоциональный компоненты, обеспечивающие осознание, понимание и регуляцию собственных эмоций и эмоций окружающих и влияющие на успешность межличностных взаимодействий и личностное развитие [12, с. 8].
Аксиоматичное определение, на мой взгляд!

Е.С. Синельникова (2015) изучила влияние эмоционального интеллекта на предпочтение способов взаимодействия в конфликте у представителей российской и голландской культуры. Эмоциональный интеллект определяется ею как вид социального интеллекта, направленный на анализ эмоциональной информации и обеспечивающий успешное понимание эмоций и управление ими [13, с. 9]; эмоциональный интеллект является фактором предпочтения способов взаимодействия в конфликте у представителей обеих культур и вносят вклад в понимание роли эмоционального интеллекта в конфликте [13, с. 13].

И, наконец, *Е.А. Хлевная* (2012) описала взаимосвязь эмоционального интеллекта личности (руководителя) с эффективностью ее деятельности, раскрыла возможность развития эмоционального интеллекта путем целенаправленного обучения. Понятие «эмоциональный интеллект» определено ею как четко измеряемая способность личности распознавать и интерпретировать эмоции, управлять эмоциями, а также использовать их для эффективного решения проблем, близкая к традиционным аспектам интеллекта, с той единственной разницей, что поступающей информацией являются настроения и эмоции [15, с. 12-13].

Как видно, приведенные определения исследователей эмоционального интеллекта, во многом научно несостоятельны из-за их размытости, громоздкости, неконкретности, аксиоматичности, что еще раз убеждает в отсутствии единого научного подхода к понимаю конструкта «эмоциональный интеллект», его концептуализации.

Авторская позиция.

Из сказанного выше, с моей точки зрения, нет такого интеллекта, каким выступает эмоциональный интеллект. В любом учебнике психологии можно прочесть, что эмоция – одна из *функций* мозга и *особенность (способность)* интеллекта распознавать, интерпретировать и оценивать свои эмоции и эмоции других людей. Точка. Все остальное – от лукавого! Конечно, притянуть «за уши» можно все, что угодно. Так можно договориться и о сексуальном, гендерном, практическом, физическом и др. интеллекте. (Кстати, попутно замечу, что термин «*физический интеллект*» уже широко используется; его выдвинул Говард Гарднер (Howard Gardner, 1983) в работе «Структура разума: теория множественного интеллекта», заложившей основы для понимания разных типов интеллекта и стилей обучения). Тоже не совсем понятный конструкт!

Клэр Дейл и Патрисия Пейтон (Claire Dale & Patricia Peyton) в 2018 году опубликовали свою книгу «Физический интеллект».³ В этой книге авторы наивно заключают, что «*физический интеллект – это активное управление физиологией, способность влиять на баланс химических веществ в собственном теле и мозге*»). **Возникает вопрос:** а что, физиология, психофизиология, нейропсихология, медицина, кинезиология и другие науки разве не дают нам ответ на вопрос «как управлять нашим организмом, его потенциалом и балансом»?!

Далее, *эмоциональный интеллект*, как определяет его И.Н. Андреева (2008, 2012), – *это вид интеллекта, связанный с обработкой, интерпретацией и использованием эмоциональной информации* [1; 2]. И здесь, с моей точки зрения, исследователь на верном пути.

Эмоции являются целостной *реакцией* мозга. Эмоция – это всего лишь *внешнее* проявление чувств, *физиологическая (вегетативная) реакция* на те или иные чувства. И

---

³ На русский язык переведена и опубликована в 2019 году (М.: Изд-во «Альпина Диджитал». – 517 с. и 147 иллюстраций).

на наличие какого бы то ни было у эмоции интеллекта здесь ничто не указывает!

Эмоции, как говорил З. Фрейд, — это усиление или уменьшение чувства дискомфорта в глубине мозга (Цит. по [8]). То есть, речь идет о внутренней и внешней *реактивности мозга*. Фрейд, как видно не наделяет эмоцию никаким интеллектом!

Думаю, что точнее, корректнее было бы назвать не «эмоциональный интеллект», а «*эмоциональный характер*». На это указывают несколько признаков эмоционального характера:

- ✓ Высокая чувствительность;
- ✓ Интенсивность эмоций;
- ✓ Сложность в общении;
- ✓ Трудности в управлении эмоциями.

Как видно, эмоциональный характер – это та уникальность личности, которая проявляется исключительно в эмоциональной сфере. Он содержит в себе способы выражения и регуляции эмоций, индивидуальные особенности эмоциональной реактивности, а также способы восприятия и обработки информации, связанной с эмоциональными впечатлениями [16].

В Словаре девиантолога (Клейберг, 2023) отмечается, что это набор устойчивых поведенческих и психологических черт, который определяет способность человека контролировать свои эмоции; это индивидуальный набор эмоциональных реакций и черт, которые определяются генетическими и воспитательными факторами [10].

В целом, эмоциональный характер – это важный компонент личности, который влияет на способ взаимодействия ее с окружающим миром и сами с собой.

В 1990 году Питер Сэловей и Джон Майер (Peter Salovey & John Mayer), сформулировали идею «эмоционального интеллекта» в небольшой журнальной статье «Emotional Intelligence» («Эмоциональный интеллект»), а в 1995 году была опубликована популярная концепция эмоционального интеллекта в книге-бестселлере американского психолога и писателя Дэниела Гоулмана (Daniel Goleman) с одноименным названием. По его мнению, *эмоциональный интеллект* – это «способность человека истолковывать

*собственные эмоции и эмоции окружающих с тем, чтобы использовать полученную информацию для реализации собственных целей» [5]. И дальше: «В основе каждой сильной эмоции лежит побуждение к действию. Умение управлять этим побуждением составляет сущность эмоционального интеллекта» [5]. Чудеса, да и только! **Вопрос:** разве всё это не есть функция мозга и способность интеллекта? Хотя Дэвид Карузо (David Caruso) об этом феномене сказал вполне определенно: «эмоциональный интеллект – это не противоположность интеллекту, не триумф сердца над разумом, это уникальное пересечение обоих процессов» (Цит. по [1]). И, добавлю, – автономных, но взаимосвязанных, процессов.*

К.Д. Ушинский, к примеру, подчеркивая социальный смысл эмоций, писал о том, что *«общество, которое больше заботится об образовании ума, совершает ошибку, ибо человек более человек в том, как и что он чувствует, чем думает»* (Цит. по [14]). Полагаю, что К.Д. Ушинский убедительно «развел» дуальность «эмоция – разум», не нарушая при этом очевидную, естественную взаимосвязь этих конструктов.

Самая ранняя работа, предвосхищающая открытие эмоционального интеллекта, – исследование Р. Торндайка (R. Thorndike, 1920-е годы). Он впервые выделил такую часть общего интеллекта, как *социальный интеллект*, то есть, – *«способность понимать других и действовать или вести себя мудро по отношению к окружающим»* (Цит. по [1; 2]). **Вопрос:** разве это не эмпатия (эмоциональное сопереживание) – осознанное сопереживание эмоциональному состоянию другого человека [Википедия]? И здесь налицо терминологическая путаница.

В связи с этим эмоциональный интеллект стали считать не эмпатией, а *компонентом социального интеллекта* (P. Salovey, J.D. Mayer, 1990). Тоже непонятная новость!

Замечу, что в российской психологической науке концепт «эмоциональный интеллект» был впервые использован Г.Г. Гарсковой (1999) [6].

Однако, справедливости ради напомним, что понятие «эмоциональный интеллект» вошло в научный тезаурус благодаря Чарлзу Дарвину, который отмечал: *«Когда разум сильно возбужден, мы можем ожидать, что он мгновенно окажет непосредственное*

действие и на сердце... Когда сердце испытает это воздействие, оно направит свою реакцию в мозг... при любом возбуждении будет иметь место значительное взаимное воздействие и реагирование между этими двумя важными органами тела» (Цит. по [1; 2]).

Заключение.

Таким образом, заключая дайджест дискус-анализа обозначенной проблемы, отмечу, что конструкт «эмоциональный интеллект» не более чем красивая метафора, оксюморон. И в подтверждение этого И.Н. Андреева (2012) приводит красноречивые аргументы, с которыми невозможно не согласиться. А именно:

(1) понятие «интеллект», когда речь идет об эмоциональном интеллекте, является неуместной, вводящей в заблуждение метафорой, которую для более точного выражения сути обсуждаемого феномена, следует заменить термином «компетентность»;

(2) интеллект определяется как способность, и «никаких сколько-нибудь уникальных способностей, связанных с эмоциями, не существует»;

(3) в представлениях об эмоциональном интеллекте эмоции подменяются интеллектом [1].

Совершенно очевидным является необходимость ясной и четко аргументированной концептуализации конструкта «эмоциональный интеллект».

До сегодняшнего момента, известные мне публикации, меня не убедили в реальном существовании эмоционального интеллекта как концептуальной научной парадигмы.

Список литературы

1. Андреева, И.Н. Азбука эмоционального интеллекта. – СПб: «БХВ-Петербург», 2012. – 288 с.
2. Андреева, И.Н. О становлении понятия «эмоциональный интеллект» // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 83-95.
3. Воробьева, Е.В., Косоногов, В.В., Ковш, Е.М. Эмоциональный интеллект: генетические и психофизиологические корреляты. Монография – М.: Мир науки, 2021 –

Сетевое издание. Режим доступа: <https://izd-mn.com/PDF/10MNNPM21.pdf> – Загл. с экрана.

4. Выготский, Л.С. Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика. 1984. - Т. 6.
5. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Перевод с английского А. Исаевой. — 8-е изд. — Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2019. — 461 с.
6. Гарскова, Г.Г. Введение понятия «эмоциональный интеллект» в психологическую теорию // Тез. науч.-практ. конф. «Ананьевские чтения». - СПб: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 25–26.
7. Давыдова, Ю.В. Эмоциональный интеллект: сущностные признаки, структура и особенности проявления в подростковом возрасте: автореф. ... канд. психол. наук. – М.: РУДН, 2011. – 23 с.
8. Изард, К. Е. Психология эмоций. – СПб: Питер, 2012. – 464 с. – (Серия «Мастера психологии»).
9. Киселева, Т.С. Эмоциональный интеллект как жизненный ресурс и его развитие у взрослых: дис. ... канд. психол. наук. – М.: ИП РАН, 2014. – 223 с.
10. Клейберг, Ю.А. Словарь девиантолога (авт.-сост.). Учебно-методическое пособие. – 4-е изд., доп. – Алматы: «Лантар books», 2023.
11. Манянина, Т.В. Эмоциональный интеллект в структуре психологической культуры личности: автореф. ... канд. психол. наук. – Томск: ТомГУ, 2010. – 22 с.
12. Мешерякова, И.Н. Развитие эмоционального интеллекта студентов-психологов в процессе обучения в вузе: автореф. ... канд. психол. наук. – Курск: КурГУ, 2011. – 28 с.
13. Синельникова, Е.С. Эмоциональный интеллект как фактор взаимодействия в конфликте: кросс-культурный аспект: дис. ... канд. психол. наук. – СПб: СПбГУ, 2015. – 195 с.
14. Спасибенко, С.Г. Эмоциональное и рациональное в социальной структуре человека // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 2. С. 109–125.

15. Хлевная, Е.А. Роль эмоционального интеллекта в эффективности деятельности: автореф. ... канд. психол. наук. – Москва: НИУ «Высшая школа экономики», 2012. – 28 с.

16. <https://psk-group.su/znacheniya/cto-takoe-emocionalnyi-karakter>

References

1. Andreeva, I.N. The ABC of Emotional Intelligence. - St. Petersburg: "BHV-Petersburg", 2012. - 288 p.

2. Andreeva, I.N. On the formation of the concept of "emotional intelligence" // Questions of psychology. 2008. No. 5. S. 83-95.

3. Vorob'eva, E.V., Kosonogov, V.V., Kovsh, E.M. Emotional intelligence: genetic and psychophysiological correlates. Monograph - M.: World of Science, 2021 - Online edition. Access mode: <https://izd-mn.com/PDF/10MNNPM21.pdf> - Head. from the screen.

4. Vygotsky L.S. Sobr. cit.: In 6 volumes - M.: Pedagogy. 1984. - T. 6.

5. Goleman, D. Emotional intelligence / Translation from English by A.Isaeva]. - 8th ed. - Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. - 461 p.

6. Garskova, G.G. The introduction of the concept of "emotional intelligence" in psychological theory // Tez. scientific-practical. conf. Ananiev Readings. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. un-ta, 1999, pp. 25–26.

7. Davydova Yu.V. Emotional intelligence: essential features, structure and features of manifestation in adolescence: author. ... cand. psychol. Sciences. – M.: RUDN, 2011. – 23 p.

8. Izard, K. E. Psychology of emotions. - St. Petersburg: Peter, 2012. - 464 p. - (Series "Masters of Psychology").

9. Kiseleva, T.S. Emotional intelligence as a life resource and its development in adults: PhD in psychology. - M.: IP RAN, 2014. - 223 p.

10. Kleyberg, Yu. A. Dictionary of a deviantologist (ed.-comp.). Teaching aid. - 4th ed., add. - Almaty: "Lantar books", 2023.

11. Manyanina, T.V. Emotional intelligence in the structure of the psychological culture of personality: PhD in psychology. - Tomsk: TomGU, 2010. - 22 p.

12. Mesheryakova, I.N. Development of emotional intelligence of students-psychologists in the process of studying at the university: PhD in psychology. - Kursk: KurGU, 2011. - 28 p.

13. Sinelnikova E.S. Emotional intelligence as a factor of interaction in conflict: a cross-cultural aspect: PhD psychology. - St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2015. - 195 p.

14. Spasibenko, S.G. Emotional and rational in the social structure of a person // Social and humanitarian knowledge. 2002. No. 2. S. 109–125.

15. Khlevnaya, E.A. The role of emotional intelligence in performance efficiency: PhD psychology. - Moscow: NRU "Higher School of Economics", 2012. - 28 p.

16. <https://psk-group.su/znacheniya/cto-takoe-emocionalnyi-karakter>

Автор заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

РОДИТЕЛЬСКАЯ ПОЗИЦИЯ КАК ПСИХОГЕННЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ КРИЗИСНЫХ СОСТОЯНИЙ РЕБЕНКА

Ю. А. Клейберг

(Тверь, Россия)

Информация об авторе: *КЛЕЙБЕРГ Юрий Александрович*, лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в области образования и науки, академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор. Основатель и президент-ректор Академии Национального образования и науки, президент Международной Ассоциации девиантологов, Международной академии ювенологии; Email: yury.kleyberg@yandex.ru ORCID: 0000-0001-6757-0102.

Аннотация. В статье рассматривается семейное неблагополучие как один из психотравмирующих факторов, связанный с образованием неразрешенных внутренних конфликтов. Неблагополучная семья может выступать не только как источник психической травматизации подростка, но и как фактор, повышающий его чувствительность к травмирующей ситуации, влияющий на его устойчивость и выбор стратегии преодоления патогенной ситуации. Семья может стимулировать травму, утяжелять ее, затруднять ее преодоление. Она является транслятором и моделью реагирования на травму в трудной жизненной ситуации.

Автором указывается, что важной основой родительских отношений являются не только эмоционально-ценностные элементы, но и родительские позиции, направленные на взаимодействие с ребенком, серьезным звеном которых выступает родительская ответственность перед собственной семьей, детьми, обществом. Здесь самыми опасными с девиантологической точки зрения элементами являются смысложизненный кризис личности, дефекты в структуре общения, в социальном контроле, в выполнении социальных ролей, что в конечном итоге приводит к формированию у личности ребенка искаженного (деформированного) образа семьи.

Отмечается также, что родительская позиция в отношении воспитания детей проявляется в двух типах: адекватном (гармоничном) типе и неадекватном (деструктивном) типе, и дается им характеристика.

Ключевые слова и словосочетания: родители, ребенок, семейное неблагополучие, позиция, родительская позиция, фактор, психогенный фактор кризис, кризисные состояния.

PARENTAL POSITION AS PSYCHOGENIC A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF A CHILD'S CRISIS

Professor Yury A. Kleyberg
(Tver, Russia)

Annotation. The article considers family troubles as one of the traumatic factors associated with the formation of unresolved internal conflicts. A dysfunctional family can act not only as a source of psychological traumatization of a teenager, but also as a factor that increases his sensitivity to a traumatic situation, influencing his stability and the choice of a strategy to overcome a pathogenic situation. The family can stimulate trauma, aggravate it, and make it difficult to overcome it. It is a translator and a model for responding to trauma in a difficult life situation.

The author points out that an important basis of parental relationships is not only emotional and value elements, but also parental positions aimed at interacting with the child, a serious link in which is parental responsibility to one's own family, children, and society. Here, the most dangerous elements from a deviantological point of view are the life-meaning crisis of the personality, defects in the structure of communication, in social control, in the fulfillment of social roles, which ultimately leads to the formation of a distorted (deformed) image of the family in the child's personality.

It is also noted that the parental position regarding the upbringing of children is manifested in two types: an adequate (harmonious) type and an inadequate (destructive) type, and a characteristic is given to them.

Keywords and phrases: parents, child, family trouble, position, parental position, factor, psychogenic factor crisis, crisis conditions.

Несмотря на прозрачность термина «родительская позиция», во всем многообразии работ, посвященных этой проблеме трудно встретить четкую формулировку данного понятия [4; 6]. Как правило, изучение неблагополучия семейной ситуации осуществляется в процессе поиска причин дезадаптивных проявлений в поведении или отношениях ребенка или подростка. Очевидно, поэтому понятие благополучия семьи традиционно связано с педагогической типологией семей [17]. Однако нарушение воспитательной функции, по нашему мнению, можно лишь условно выделить как независимый параметр, поскольку оно тесно переплетено с нарушением семейных

отношений, личностными особенностями членов семьи и удовлетворением их потребностей [11].

Анализ работ, посвященных семейному неблагополучию, позволяет отметить, что выделение типов и видов неблагополучия производится авторами на основе изучения отдельных характеристик семьи: нарушения одной или нескольких функций семьи, структуры семьи и т.п., что не обеспечивает интегрированное знание об изучаемом феномене. Необходимо отметить также определенную изолированность теоретических исследований детско-родительских отношений и супружеских отношений в семье.⁴

Возможность интеграции знаний о семье как динамической системе возникает благодаря синтезу «психологии отношений» В.Н. Мясищева и основных принципов системного подхода к изучению семейного благополучия, осуществляемого в рамках отечественной семейной психотерапии [цит. по: 20]. Согласно данному подходу, угроза семейному благополучию может заключаться в затруднении выполнения семьей её основных функций, в отсутствии условий для гармонического развития личности членов семьи.

Одновременно, в семейной психотерапии формулируется концепция семейной нормы, как ситуации относительно независимого развития члена семьи и семьи в целом (Askerman, 1970). «Насколько естественны противоречия между семьей и личностью, настолько же естественна и каждодневная необходимость разрешать эти противоречия». Это позволяет Э.Г. Эйдемиллеру и В. Юстицкису в качестве наиболее важной характеристики благополучия семьи, выделять эффективность семейных механизмов интеграции семьи и личности. То, как семья ведет себя, столкнувшись с трудностью, с необходимостью перестроить свою жизнь и свои отношения будет определять ее устойчивость и развитие [21, с.190].

Ситуация семейного неблагополучия Е.Н. Тумановой (2002) понимается как ситуация затруднения или невозможности выполнения семьей ее основных функций и удовлетворения ведущих потребностей членов семьи в условиях неэффективной деятельности семейных механизмов адаптации и интеграции [18, с. 17]. Семьи,

---

⁴ Бодалев А.А., Сухов А.Н. (общая редакция). Основы социально-психологической теории. - М.,1995. - 422 с.

переживающие ситуацию неблагополучия, в работе называются негармоничными.

Влияние ситуации семейного неблагополучия, роль дисфункциональных нарушений в жизнедеятельности семьи обнаруживается как в отношении нарушения психосоматического здоровья ребенка, так и в отношении его социальной адаптации в целом (его поведения, успехов в школе, уровня профессиональных устремлений, проявлений делинквентности и криминальности), формирования алкогольной и наркотической зависимостей [16].

Следствием влияния неблагополучной семьи на подростка Б.Д. Карвасарский (1990) считает образование неразрешенных внутренних конфликтов [10]. Подросток испытывает затруднение в приобретении адекватных навыков общения, в регуляции собственных эмоциональных реакций, в реализации эмоциональных и познавательных потенциалов. У него формируются неадекватные модели социального восприятия и эмоционального реагирования. Все это закономерно ведет к нарушению значимых межличностных связей.

Необходимо отметить наличие дискуссии среди исследователей по проблеме «удельного веса» (важности и степени травматичности) факторов семейного неблагополучия.

По мнению некоторых авторов, большую степень травматичности имеет изменение состава семьи (воспитание подростка в неполной, распавшейся по разным причинам семье) [Biller, 1971; Blum, 1988]. Однако, не меньше данных существует в защиту другой точки зрения: патогенным является не состав семьи, а ее психологический климат [19]. Неблагополучная семья может выступать не только как источник психической травматизации подростка, но и как фактор, повышающий его чувствительность к травмирующей ситуации, влияющий на его устойчивость и выбор стратегии преодоления патогенной ситуации.

Семья может стимулировать травму, утяжелять ее, затруднять ее преодоление. Она является транслятором и моделью реагирования на травму: через представления членов семьи о «правильных» приемах преодоления и формы поведения членов семьи в трудной ситуации. По мнению Г.Н. Морозовой, формирование высокого уровня личностной

тревожности у ребенка связано не с характером неблагоприятных семейных условий, а с принятым в семье способом их разрешения, эмоционального участия, а также с причастностью и ответственностью родителей и детей при преодолении жизненных коллизий [13].

Описаны типы личностных нарушений у детей, возникающих в зависимости от типа поведения семьи при решении новых задач [Bell, 1976]. При «центробежной» реакции членов семьи на нерешенную проблему, т.е. стремлении стать более независимыми, у детей возможны нарушения поведения. В случае «центростремительной» реакции членов семьи (подавление личности ради стабильности брака), для детей характерно развитие внутриличностных конфликтов, появление невротических и психотических симптомов. Сенсбилизация членов семьи к фрустрирующей ситуации может происходить также вследствие: неправильного воспитания подростка (гипер-, гипоопеки); воздействия длительного нервно-психического напряжения в семье; формирования травмирующего представления подростка о патогенной ситуации и ее оценки [21].

Таким образом, отношение к объективно неблагоприятным условиям и способы совладания с ними, являются одними из ведущих факторов устойчивости и благополучия семьи, и, как следствие, антипсихогенным фактором кризисных состояний личности подростка.

Семейное неблагополучие, являясь, по сути своей, психогенной детерминантой кризисных состояний кратковременного или длительного воздействия, одновременно выступает в роли фактора развития кризисных ситуаций в жизни подростка. Оно обуславливает уровень биографического стресса, который грозит нервно-психическим перенапряжением при столкновении подростка с любыми фрустрирующими моментами. Это позволяет предположить существование типичных кризисных ситуаций, закономерно возникающих в жизни подростков, переживающих влияние семейного неблагополучия.

Однако, общеизвестно, что семья является исторически сложившейся социокультурной и педагогической системой, где существуют взаимоотношения между

супругами, родителями и детьми на основе тесной связи брачных и родственных позиций, общим местом проживания, общность быта и нормы взаимной морально-нравственной ответственности. Все это, безусловно, так.

Однако за всю свою историю существования, семья постоянно нарушала нормативные предписания в отношении родительского поведения, и они даже различались в различных семьях. Это особенно убедительно проявляется в наши дни, когда в модернизированной семье нередко культивируются такие девиантные проявления, как жестокость, насилие, авторитарно-жестокий стиль воспитания, алкоголизм, наркомания, проституция и т.п. Понятно, что родительство и родительское поведение в такой системе семейных взаимоотношений обусловлены целями супругов, их мировоззрением, ценностями, потребностями, культурой, а также их установками и ожиданиями, и другими факторами.

По мнению английского психолога Л. Джексона (1986), особенность отношения родителей к своим детям закрепляется у последних в их собственном отношении к окружающим и оценкам их самих. На этом основании ребенок может конструировать меру гармоничности или напряженности своего положения в семье [Цит. по: 2].

Важной основой родительских отношений являются не только эмоционально-ценностные элементы, но и родительские позиции, направленные на взаимодействие с ребенком, серьезным звеном которых выступает родительская ответственность перед собственной семьей, детьми, обществом.

Памятуя о том, что семья была и продолжает пока оставаться первичной социальной средой, средой социализации, доступным образцом для наблюдения, оценки и подражания, и что она является первым и важным фактором в развитии и становлении личности, следует заметить, что родительская семья может также стать и антиидеалом, пространством деструктивной социализации, где ребенком усваиваются и совершенствуются практики девиантного или криминального поведения.

Ученые-девиантологи (Я.И. Гилинский, А.В. Дулов, Ю.А. Клейберг,

Ю.Ю.Комлев, Т.А. Хагуров и др.) постоянно подчеркивают, что рекрутирование нового поколения детей с девиантным поведением в основном осуществляется за счет семей, где нарушен процесс социализация (в первую очередь – правовой и экзистенциальной), процесс формирования родителями определенного желаемого восприятия семьи, процесс создания позитивного образа и ценности семьи.

Результатом процесса позиционирования (положительного и негативного) является позиция, которая может быть (а) целевой (желаемой) и (б) реально сформированной (воспринимаемой), как результат уже сформированной родительской позиции. Здесь самыми опасными с девиантологической точки зрения элементами являются смысложизненный кризис личности, дефекты в структуре общения, в социальном контроле, в выполнении социальных ролей, что в конечном итоге приводит к формированию у личности ребенка, искаженного (деформированного) образа семьи.

В семьях с неадекватной родительской позицией, с неадекватным позиционированием существенно претерпела изменения вся система отношений, но в наибольшей степени – нравственные отношения. Изменившиеся отношения, их чрезмерная конфликтность, отсутствие полноценного эмпатийного общения, гипоопека или гиперопека провоцирует безнадзорность, а в последующем беспризорность и совершение преступлений. Дети, живущие в таких семьях, переживают сильнейший стресс. В Американской классификации DSM-111-R содержится шкала для кодирования психосоциальных факторов, вызывающих стресс и способствующих развитию девиантного поведения, а также обострений того или иного заболевания (1. Отсутствие стресса; 2. Слабый стресс; 3. Умеренный стресс; 4. Тяжелый стресс; 5. Чрезмерно тяжелый стресс; 6. Катастрофический стресс). Эти ситуации, как правило, присущи беспризорникам, социальным сиротам и несовершеннолетним правонарушителям, дистанцированным по тем или иным причинам от семьи и школы. Но главным стрессогенным фактором, по мнению Е.А. Мухаматулиной и Г.Х. Махортовой, является отсутствие позитивного интереса со стороны матери, враждебность отца и его крайняя непоследовательность [12].

Наиболее активно проблема позиционирования семьи, стилей воспитания, нарушений родительского отношения и отклонений в психическом развитии и даже здоровье детей исследуется в клинико-психологическом аспекте. Определен ряд социально-психологических параметров воспитательного процесса:

1. Интенсивность эмоционального контакта родителей по отношению к детям: гиперопека, опека, принятие, непринятие;

2. Параметр контроля: разрешительный, допускающий, ситуативный, ограничительный;

3. Последовательность-непоследовательность;

4. Аффективная устойчивость-неустойчивость;

5. Тревожность-нетревожность.

Различные сочетания этих параметров воспитания в семье соотносятся с различными видами неврозов у детей [3].

Оказание поддержки в семье часто зависит от той родительской позиции, которую занимают взрослые в отношении своих детей. Родительская позиция – это некое целостное образование, это реальная направленность воспитательной деятельности родителей, возникающая под влиянием мотивов воспитания [22]. Совершенно верно Р.В. Овчарова отмечает, что в развитой форме родительство включает: ценностные ориентации супругов (семейные ценности); родительские установки и ожидания; родительское отношение; родительские чувства; родительские позиции; родительскую ответственность; стиль семейного воспитания [14, с.11]. Родительство требует новых ролей и обязанностей, как со стороны матери, так и со стороны отца. Кроме того, родительство наделяет их новым социальным статусом [12] и создает условия для развития родительских позиций (отцовской и материнской).

Отцовская родительская позиция – это интегральное взаимодействие мужской полоролевой, личностной и воспитательной позиции отца; это система его отношений как родителя, которая традиционно проявляется в преобладании предметно-инструментальной функции отца в воспитании детей.

Материнская родительская позиция – это интегральное взаимодействие женской

полороловой, личностной и воспитательной позиции матери; это система ее отношений как родителя, которая традиционно проявляется в преобладании экспрессивно-эмоциональной функции матери в воспитании детей [4; 5; 7; 8].

Как показывают исследования С.С. Жигалина (2004), материнская и отцовская родительские позиции представляют собой диалектическое единство, а с психолого-девиантологической точки зрения, по нашему мнению, – и противоположность. В идеале их своеобразие и необходимый баланс создают оптимальные условия для полноценного развития личности ребенка. Однако исследования и семейная практика (Е.Е. Ромицына, И.А.Хоменко, А.Н. Елизарова и др.), показывают, что многие родители ригидны в своих установках на ребенка, материнская и отцовская позиции часто не дифференцируются и не согласуются между собой.

Понятное дело, что для развития личности ребенка важна гармонизация семейных отношений, адекватное позиционирование, адекватная родительская позиция.

Изменить неадекватную жизненную позицию родителей (родителя) – длительный и, зачастую, малоэффективный, в плане затраченных ресурсов (эмоциональных, интеллектуальных, временных и др.) процесс. И в то же время жизненная позиция – вещь социально податливая. На нее могут влиять (и влияют) различного рода социальные трансформации. Как указывают В.В. Бахарев и Н.С. Данакин (2009), ими могут выступать следующие социальные трансформации [1]:

1. Утрата в массовом сознании четкой и определенной связи между доходом, уровнем жизни человека и его компетентностью, квалификацией, общественной полезностью профессии. Для большинства молодых людей опыт их родителей, когда-то деятельности общественно значимой функции, долгое время работавших на одном предприятии, становится по преимуществу негативным;

2. Корпоратизация, клановость общества и неэффективность «социальных лифтов». Социальная поляризация населения России характеризуется не просто существенным разрывом в доходах. Между социальными группами формируются не только символические, но и вполне реальные границы. Высококатегорные группы концентрируют все виды социально значимых ресурсов: деньги, власть, качественное

образование, высокооплачиваемые рабочие места, престижные виды досуга и развлечений, экологически чистые места жизни и отдыха и др. При этом высокий статус преимущественно не достигается, а наследуется;

3. Атомизация общества, неустойчивость и ситуативность социальных связей. Анализ социальных практик россиян дает картину распространенности позиции потери человеком ощущения себя субъектом жизни;

4. Усиление социальных рисков, опасности маргинализации и аутсайдерства. В современном российском социуме социальное аутсайдерство и эксклюзия приобрели массовый характер в результате радикального транзита от тотального государственного дирижизма советского периода к либертарианским формам государственной политики и практики в 90-е годы. На поведенческом уровне результатом социального аутсайдерства становится эскапизм, саморазрушение или агрессия, направленная против истинных или мнимых виновников такого положения вещей. Аутсайдер не считает себя связанным нормами социума, который его отверг, и часто мстит ему;

5. Нормативный релятивизм, вызванный чрезмерно быстрым и радикальным изменением системы ценностей в обществе. В результате в общественном сознании образовалась нормативно-ценностная каша;

6. Редуцирование сферы государственной молодежной политики, ее бюрократизация и формализация;

7. Распространение криминальной субкультуры, особенно явное в 90-е годы, когда многие ее носители заняли ведущие позиции в политике.

Однако в основе деформации родительской позиции, как указывает О.А.Карабанова (2001), часто лежит отвержение ребенка. Приписывание негативных качеств, инвалидация тем самым выступают как рационализация своего отвержения ребенка, проявление защитной реакции родителя с целью сохранения позитивного самоотношения и самоуважения путем дискредитации ребенка.

А.С. Спиваковская (1991) разработала классификацию родительских позиций. Она считает, что родительская позиция как совокупность установок родителей во

взаимодействии с ребенком существует в трех планах: *эмоциональном, когнитивном и поведенческом*, и выделяет следующие критерии родительской позиции:

- *адекватность – неадекватность*; этот критерий отражает то, в какой степени родители воспринимают индивидуальные особенности ребенка, что проявляется в феноменах предписывания родителями ребенку тех или иных качеств; степень и знак искажений восприятия образа ребенка могут быть разными (когнитивный компонент);

- *динамичность – ригидность*, то есть степень подвижности родительской позиции, способность к изменению форм и способов взаимодействия с детьми (когнитивный и поведенческий компоненты);

- *прогностичность – непрогностичность*, то есть способность родителей к экстраполяции, предвидению перспектив дальнейшего развития ребенка и способность к построению взаимодействий с ребенком с учетом этого предвидения (когнитивный и поведенческий компоненты).

Причем эмоциональный компонент проявляется по всем параметрам родительской позиции. Для дисгармоничных семей, как считает А.С. Спиваковская (1999), характерны *неадекватность, ригидность, непрогностичность родительской позиции*. Она также выделяет четыре патогенных типа воспитания: (1) низкая сплоченность и разногласия членов семьи по вопросам воспитания; (2) высокая степень противоречивости, непоследовательности, неадекватности; (3) высокая степень опеки и дидакта в каких-либо сферах жизнедеятельности детей; (4) повышенная стимуляция возможностей детей. В связи с этим частое применение угроз, осуждения.

Таким образом, под родительской позицией А.С. Спиваковская (1999) понимает «некое целостное образование, реальную направленность воспитательной деятельности родителей, возникающую под влиянием мотивов воспитания». Родительская позиция проявляет себя во взаимодействии и взаимоотношениях с ребенком и зависит от соотношения между осознаваемыми и неосознаваемыми мотивами.

Очевидно и другое. Родительская позиция характеризуется определенным стилем поведения и моделями семейного воспитания. Нарушения, искажения, неадекватность

родительской позиции оказываются обусловленным неадекватным транслированием ригидных и неэффективных практик воспитания, низкой степенью психологической, социальной и педагогической компетентности родителей, а также дисфункцией семейной системы, индивидуально-личностными особенностями самого родителя, и как следствие, – трансформацией родительской позиции в неадекватную (деструктивную).

Исходя из анализа имеющейся опубликованной научной литературы и собственного исследовательского опыта, полагаем, что родительская позиция в отношении воспитания детей может проявляться в двух типах: *адекватном (гармоничном) типе* и *неадекватном (деструктивном) типе*, которые следует учитывать школьному психологу в своей диагностической и коррекционной работе с проблемными семьями и детьми из этих семей.

Адекватный (гармоничный) тип родительской позиции характеризуется:

- ✓ взаимным эмоциональным принятием, эмпатией, эмоциональной поддержкой;
- ✓ высоким уровнем удовлетворения потребностей всех членов семьи, в том числе и детей;
- ✓ признанием права ребенка на выбор самостоятельного пути развития, поощрением автономии ребенка;
- ✓ отношениями взаимного уважения, равноправия в принятии решений в проблемных ситуациях;
- ✓ признанием самоценности личности ребенка и отказом от попыток манипулятивной стратегии воспитания;
- ✓ обоснованной возрастными и индивидуально-личностными особенностями, разумной и адекватно предъявляемой системой требований к ребенку;
- ✓ систематическим контролем с последующей передачей функций контроля ребенку и переходом к самоконтролю;
- ✓ разумной и адекватной системой санкций и поощрений;

✓ устойчивостью, непротиворечивостью воспитания при сохранении права каждого родителя на собственную концепцию воспитания и планомерное изменение системы воспитания в соответствие с возрастом ребенка.

Неадекватный (деструктивный) тип родительской позиции характеризуется:

- недостаточным уровнем эмоционального принятия ребенка, эмоциональным отвержением и амбивалентным отношением, отсутствием взаимности;
- низким уровнем сплоченности родителей и разногласиями в семье в вопросах воспитания детей;
- высоким уровнем противоречивости, непоследовательности в отношениях родителя (ей) с детьми;
- ограничительством в различных сферах жизнедеятельности;
- завышением требований к ребенку или недостаточной требовательностью, вседозволенностью;
- неконструктивным характером контроля, низким уровнем родительского мониторинга, чрезмерностью санкций или их полным отсутствием;
- повышенной конфликтностью, физической и вербальной агрессией, насилием;
- недостаточностью или чрезмерностью удовлетворения потребностей ребенка;
- неадекватностью материнских и отцовских отношений [5; 7; 8].

В научной литературе (Ю.А. Клейберг, Г.Г. Шиханцев) указывается также, что процесс позитивной социализации ребенка был деформирован в большей степени семейным и школьным воспитанием:

1). Родители и педагоги на словах и на деле утверждают аморальные или даже асоциальные образцы поведения. В этом случае может произойти прямое усвоение ребенком норм девиантного поведения.

2). Родители и педагоги на словах придерживаются общепринятых нравственных норм поведения, но совершают действия, поступки, им

противоречашие. В этом случае у детей воспитывается лицемерие, ханжество, циничность, а в целом – аморальные установки.

3). Родители и педагоги вербально и на деле придерживаются общепринятых норм, но при этом не удовлетворяют эмоциональных потребностей ребенка. Отсутствие прочных эмоциональных, дружеских контактов родителей с подростками значительно затрудняют нормальный процесс социализации.

4). Родители и педагоги применяют методы воспитания, основанные на принуждении, насилии, унижении личности ребенка.

В семьях и школах, для которых характерны наиболее глубокие дефекты социализации, дети практически полностью остаются без надзора со стороны взрослых и вольно или невольно провоцируются на безнадзорность, беспризорность, бродяжничество, попрошайничество проституцию и совершение правонарушений.

Отечественные ученые наиболее полно осветили те семьи, которые нуждаются в социальной, психолого-педагогической поддержке и защите детей. Существуют интересные, на мой взгляд, классификации различных типов семей (Г.Г. Шиханцев, 1998; А.С. Скороходова, 1999; И.П. Башкатов, 2002 и др.). Более подробно об этом в [3; 4; 5; 7; 8]. Различные типы родительских позиций как системы отношений родителя обусловлены определенными родительскими целями, ценностями, установками и мотивами. В свою очередь они придают воспитательной практике семьи специфичный характер.

Таким образом, родительская семья является важнейшим фактором социализации и развития личности ребенка. Она обладает определенными механизмами влияния на подрастающую личность. Влияние семьи зависит от ее воспитательного потенциала, опыта и других объективных и субъективных факторов. При этом родительские позиции в семейном воспитании всегда выполняют регулятивную функцию. Процесс первичной социализации в семьях с неадекватным родительским позиционированием однозначно искажается и требует уже на этом этапе повышенного внимания со стороны школьных психологов в плане коррекции, психологической поддержки и

сопровождения.

Список литературы

1. Бахарев В.В., Данакин Н.А. Типология и социальная диагностика девиантного поведения молодежи. - Белгород, 2009. – 580 с.
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. - М., 1986.
3. Здравомыслова О.А. Насилие в семье и кризис традиционной концепции воспитания // Социальная педагогика. 2005. №1.
4. Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения: Учебник. – 13-е изд., перераб. и доп. – Краснодар, 2022. - 618 с. – (Серия «Учебник нового столетия»).
5. Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения. Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2022. – 446 с.
6. Клейберг Ю.А., Орлова Е.А. Копинг-стратегии родителей подростков-правонарушителей: Монография / Под ред. Ю.А. Клейберга. – Тула, 2014. – 182 с.
7. Клейберг Ю.А. Ювенальная психология девиантного поведения. Учебное пособие. - Нальчик, 2013. - 248 с. - С.187-207.
8. Клейберг Ю.А. Психология семьи с неадекватной родительской позицией // Организация работы с молодежью: междисциплинарная интеграция теории и практики: коллективная монография / Под ред. А.А. Зеленина, М.С.Яницкого. - Кемерово, 2012. С.88-105.
9. Клейберг Ю.А. Девиантное поведение в вопросах и ответах. – 2-е изд. - М.: Изд-во «МПСУ», 2008. - 308 с. С.181-205.
10. Карвасарский Б.Д. Неврозы. - М.: Медицина, 1990. - 576 с.
11. Козлов В.В., Фетискин Н.П. Трудные дети. – М., 2018. – 544 с.
12. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития – 9-е изд. - СПб, 2004. – (Серия «Мастера психологии»). - 356 с.
13. Морозова Г.Н. Благополучен ли благополучный ребенок? // Психологическая газета. 1998. № 8(35). С. 16-17.

14. Овчарова Р.В. Психология родительства: Учебное пособие. - М.: ИЦ «Академия», 2005. - 368 с.
15. Психология развития / Под ред. Т.Д. Марцинковской. - М., 2001.
16. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. - СПб: Издательство «Питер», 2000. – 624 с.
17. Степанов В.Г. Психология трудных школьников. - М.: Издательский центр «Академия», 1996. - 320 с.
18. Туманова Е.Н. Помощь подростку в кризисной ситуации жизни. Учебное пособие. – Саратов, 2002. – 69 с.
19. Фельдштейн Д.И. Психология развития личности в онтогенезе. – М.: Педагогика, 1989. – 208 с.
20. Эйдемиллер Э.Г. Семейная психотерапия в России: попытка понимания пройденного пути // Психологическая газета. 2000. № 7-8. С. 23-24.
21. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. - СПб, 1999. – 656 с.
22. Шнейдер Л.Б. Семейная психология: Учебное пособие. - 2-е изд. - М., 2006.

References

1. Bakharev V.V., Danakin N.A. Typology and social diagnostics of youth deviant behavior. - Belgorod, 2009. - 580 p.
2. Burns R. Development of self-concept and education. - M., 1986.
3. Zdravomyslova O.A. Violence in the family and the crisis of the traditional concept of education // Social Pedagogy. 2005. No. 1.
4. Kleyberg Yu. A. Fundamentals of the psychology of deviant behavior: Textbook. - 13th ed., revised. and additional - Krasnodar, 2022. - 618 p. - (Series "Textbook of the new century").
5. Kleyberg Yu. A. Fundamentals of the psychology of deviant behavior. Monograph. - 2nd ed., revised. and additional - M., 2022. - 446 p.
6. Kleyberg Yu. A., Orlova E.A. Coping strategies of parents of adolescent delinquents: Monograph / Ed. Yu.A. Kleyberg. - Tula, 2014. - 182 p.
7. Kleyberg Yu. A. Juvenile psychology of deviant behavior. Tutorial. - Nalchik, 2013. - 248 p. - P.187-207.
8. Kleyberg Yu. A. Psychology of a family with an inadequate parental position // Organization of work with youth: interdisciplinary integration of theory and practice: a collective monograph / Ed. A.A. Zelenin, M.S. Yanitsky. - Kemerovo, 2012. S.88-105.
9. Kleyberg Yu. A. Deviant behavior in questions and answers. - 2nd ed. - M.: Publishing

House "MPSU", 2008. - 308 p. pp.181-205.

10. Karvasarsky B.D. neuroses. - M.: Medicine, 1990. - 576 p.

11. Kozlov V.V., Fetiskin N.P. Difficult kids. - M., 2018. - 544 p.

12. Craig G., Bockum D. Developmental Psychology - 9th ed. - St. Petersburg, 2004. - (Series "Masters of Psychology"). - 356 p.

13. Morozova G.N. Is a well-to-do child? // Psychological newspaper. 1998. No. 8(35). pp. 16-17.

14. Ovcharova R.V. Psychology of parenthood: Textbook. - M.: Information Center "Academy", 2005. - 368 p.

15. Psychology of development / Ed. T.D. Martsinkovskaya. - M., 2001.

16. Rice F. Psychology of adolescence and youth. - St. Petersburg: Publishing house "Piter", 2000. - 624 p.

17. Stepanov V.G. Psychology of difficult schoolchildren. - M.: Publishing Center "Academy", 1996. - 320 p.

18. Tumanova E.N. Help a teenager in a life crisis. Tutorial. - Saratov, 2002. - 69 p.

19. Feldstein D.I. Psychology of personality development in ontogenesis. - M.: Pedagogy, 1989. - 208 p.

20. Eidemiller E.G. Family psychotherapy in Russia: an attempt to understand the path traveled // Psychological newspaper. 2000. No. 7-8. pp. 23-24.

21. Eidemiller E.G., Yustickis V. Psychology and psychotherapy of the family. - St. Petersburg, 1999. - 656 p.

22. Schneider L.B. Family psychology: Textbook. - 2nd ed. - M., 2006.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

**КОНСТРУКТ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ»: ДИСКУРС-АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ И
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ**

С. А. Жильцов
(Ярославль, Россия)

Информация об авторе: *ЖИЛЬЦОВ Семён Алексеевич*, магистр психологических наук. Окончил магистратуру факультета психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Аннотация. В статье представлен дискурс-анализ зарубежных и отечественных научных подходов, раскрывающих сущностно-содержательную характеристику и понимание профессиональной идентичности. Дискурс-анализ показал, что идентичность в научной литературе рассматривалась с двух сторон: как личностная или эго-идентичность и социальная или групповая идентичность, а профессиональная идентичность является одной из составляющих целостной личности, то есть личности, которая осознала и приняла свою идентичность во всех ее проявлениях.

Ключевые слова и словосочетания: идентичность, профессиональная идентичность, конструкт, дискурс-анализ, научные подходы, зарубежные исследователи, отечественные ученые.

**CONSTRUCTION "PROFESSIONAL
IDENTITY": DISCOURSE ANALYSIS OF FOREIGN AND
DOMESTIC SCIENTIFIC APPROACHES**

Master of Psychology Semen A. Zhiltsov
(Yaroslavl, Russia)

Annotation. The article presents a discourse analysis of foreign and domestic scientific approaches that reveal the essential and content characteristics and understanding of professional identity. Discourse analysis showed that identity in the scientific literature was considered from

two sides: as a personal or ego identity and social or group identity, and professional identity is one of the components of a holistic personality, that is, a person who has realized and accepted his identity in all its manifestations.

Keywords and phrases: identity, professional identity, construct, discourse analysis, scientific approaches, foreign researchers, domestic scientists.

Термин «идентичность» ввел Э. Эриксон (E. Erickson, 1993). Впервые этот термин появился в таких его трудах как: «Детство и общество», «Молодой человек Лютер», «Идентичность: молодость и кризис». Однако, Э. Эриксон не дает точного определения этого понятия. В книге «Детство и общество» он писал: «Я могу попытаться более явно представить суть идентичности, только рассмотрев ее с разных точек зрения. С одной стороны, ее можно отнести к сознательному ощущению личной идентичности; с другой – это бессознательное стремление к целостности личного характера. С третьей – это критерий для процесса синтеза эго. И наконец, внутренняя солидарность с групповыми идеалами и групповой идентичностью» [9].

Таким образом, Эриксон, в попытке определить идентичность описывает ее в нескольких аспектах, а именно:

- Индивидуальность – осознанное ощущение собственной уникальности и собственного отдельного существования.
- Тождественность и целостность – ощущение внутренней тождественности, непрерывности между тем, чем человек был в прошлом и чем обещает стать в будущем; ощущение того, что жизнь имеет согласованность и смысл.
- Единство и синтез – ощущение внутренней гармонии и единства, синтез образов себя и детских идентификаций в осмысленное целое, которое рождает ощущение гармонии.
- Социальная солидарность – ощущение внутренней солидарности с идеалами общества и подгруппы в нем, ощущение того, что собственная идентичность имеет смысл для уважаемых данным человеком людей (референтной группе) и что она соответствует их ожиданиям.

Исходя из представленных четырех аспектов, Э. Эриксон выделяет два взаимозависимых понятия

1. Групповая идентичность;
2. Эго-идентичность.

Групповая идентичность формируется благодаря тому, что с первого дня жизни воспитание ребенка ориентировано на включение его в данную социальную группу, на выработку присущего данной группе мироощущения. Эго-идентичность формируется параллельно с групповой идентичностью и создает у субъекта чувство устойчивости и непрерывности своего Я, несмотря на те изменения, которые происходят с человеком в процессе его роста и развития [10].

До Эриксона многие изучали идентичность: Уильям Джеймс и Зигмунд Фрейд, а также Чарльз Дарвин и Карл Маркс. Однако, называли идентичность по-разному. Так, Уильям Джеймс (William James) использовал для описания идентичности понятие «характер». Карл Густав Юнг (Carl Gustav Jung) для понятия идентичность использует термин «индивидуация». После Эриксона многие ученые также продолжают изучать проблему идентичности личности. В зарубежной психологии понятие идентичности изучалось в рамках нескольких школ.

В психоаналитической парадигме исследованием идентичности занимались Дж. Марсия (J. Marcia), А. Ватерман (A. Waterman), Д.Х. Босман (D.H. Vosman).

Исследованиям идентичности *в рамках когнитивно-ориентированной психологии* идентичность изучали Х. Тэджфел (H. Tajfel), Дж. Тернер (J. Turner), Дж. Стефенсон (J. Stephenson), Г. Брейкуэлл (G. Breakwell).

В отечественной психологии не использовался сам термин «идентичность», тем не менее, разрабатывались понятия самосознания и образа-Я. Этой проблеме посвящены работы Л.И. Божович, И.С. Кона, В.В. Столина, Д.И. Фельдштейна. В наши дни изучению идентичности посвящены работы В.С. Агеева, Н.Г. Антоновой, С.А. Баклушинского, Т.С. Барановой, Е.П. Белинской, С. Р. Пантелеева, В.И. Павленко [5].

Основоположником научно-психологического подхода к проблемам профессионального становления человека является Фрэнк Парсонс (Frank Parsons, 1908)

[11; 12]. Он сформулировал основы практической работы в подготовке молодежи к выбору профессии. В современных исследованиях изучается профессиональная идентичность студентов (Л.Б. Шнейдер), становление профессиональной идентичности в ходе обучения в вузе (Е.Е.Трандина, И.Е. Григорович, У.С. Родыгина, 2007).

Проведя дискурс-анализ понятия идентичности у разных авторов, мы можем констатировать, что идентичность рассматривалась с двух сторон: как *личностная или эго-идентичность* и *социальная или групповая идентичность*. Личностная идентичность – осознанное ощущение собственной уникальности и собственного отдельного существования. Социальная идентичность – осознание своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям. В нее входят гендерная, этническая, профессиональная, религиозная и другие виды идентичности. В общем смысле понятие идентичность – это осознание личностью своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальных ролей и эго-состояний. Когда человек осознает свою идентичность в мире людей, наций, профессий, тогда можно говорить, что он имеет полное законченное представление о самом себе.

Так, профессиональная идентичность является одной из составляющих целостной личности, то есть личности, которая осознала и приняла свою идентичность во всех ее проявлениях (направлениях). Представим дискурс-анализ профессиональной идентичности с определения понятия профессии.

Термин «профессия» восходит к корневым значениям слов (латинского, французского языков) *profiteri* с примерно таким переводом: говорить публично, объявлять, заявлять [8].

В России термин «профессия» используется для обозначения любого рода трудовой деятельности, требующей специальной подготовки. Так, профессия по С.И. Ожегову, – это основной род занятий, трудовой деятельности. Профессия по Т.Ф. Ефремовой – это род трудовой деятельности, занятий, требующих специальной подготовки [4].

В энциклопедическом словаре читаем: «Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика – «профессия», определяется как вид трудовой деятельности человека, который владеет комплексом теоретических знаний и

практических навыков, приобретенных в результате специальной подготовки и опыта работы [2].

Е.А. Климов (2004) выделил четыре значения, в которых употребляется чаще всего термин «профессия»:

- общность людей, занятых в определенной области, отрасли труда («Мы – представители малочисленной профессии», «Люди этой профессии должны иметь хорошее пространственное воображение»);
- область деятельности как множество трудовых постов («В этой профессии избыток кадров»);
- работа, процесс деятельности в определенной области («Это очень беспокойная профессия»);
- качественная определенность человека, имеющего некоторые умения, знания, опыт, личные качества («Я хочу приобрести вторую профессию», «У него нет профессии») [6].

В.Д. Брагина (1976) в дополнение к этим значениям предполагает, что профессия есть не только совокупность трудовых действий человека, требующих от него специальных знаний, умений и навыков, но и его социальная позиция [1].

В работах англоязычных авторов профессией называется только относительно высокие ступени континуума трудовых занятий Джордж Ритцер (George Ritzer, 1972).

Когда человек работает или только обучается профессии, у него происходит становление профессиональной идентичности. Профессиональная идентичность, прежде всего, предполагает определенное групповое членство, причем факторы причисления человеком себя к той или иной профессиональной группе имеют меньшую значимость, чем сам факт этого причисления. Важно, что считая себя представителем данной профессиональной группы, человек осваивает ее нормы, ценности и традиции (Завалишина Н.Д., 1997), и они становятся регулятором его поведения в моменты актуализации профессиональной идентичности. Другими словами, важен не уровень опытности человека в профессии, а его собственное признание того, что он «педагог», «врач», «инженер» и т.д.

Целенаправленное изучение проблемы профессионального самоопределения началось в психологии в конце XIX- начало XX в. с пришествием второй профессиональной революции, которая была порождена промышленным переворотом. Новый тип производства привел к появлению массовых профессий. Люди массовых профессий привязаны к средствам и месту производства, они формируют пирамидальные структуры с многоуровневой иерархией. Ключевыми процессам для этого периода являлись процесс стандартизации профессиональной деятельности и консолидации больших групп людей, объединенных совместной профессиональной деятельностью в местах производства. Следствием этих процессов было создание системы профессиональных союзов и развитие системы профессионального образования [8].

Главный тезис того времени гласил: «на каждом месте должен стоять человек, наиболее для этого пригодный», при этом основной акцент в решении такой задачи должен делаться на диагностике его подлинных способностей, а не на приобретенных знаниях (Э. Клапаред). Стали обращать внимание на роль человека в профессиональном процессе, без которого невозможно понимание своего места в профессиональной среде и достижение уровня профессионального мастерства, а, следовательно, и достижения профессиональной идентичности.

Н.А. Рыбников (1992) делал основной акцент на «самопознании» как определяющем условии адекватного выбора профессии. Человек должен уметь выявить свои преобладающие стремления, способности, психологические черты [7].

В 30-е годы XX века начинается активная работа по изучению возможностей интенсификации труда за счет познания и использования таких сторон человеческой психики, как отношение к труду, оценка человеком выполняемой деятельности, ее условий и результатов. Исследования целого ряда американских специалистов в области мотивации трудовой деятельности (Ч. Бернанд, А. Маслоу, Э. Мэйо, Р. Ликерт, Ф. Херцберг, Э. Ро) свидетельствуют о том, что эффективность труда во многом определяется, помимо соответствия индивидуально-психологических особенностей индивида требованиями профессии, еще и тем, насколько удовлетворяются в работе социальные потребности человека, его стремления и желания. В связи с этим значительно

усиливается интерес к вопросам психологии выбора профессии. В профориентации на смену традиционному диагностическому подходу приходят новые теории, известные как структурная теория «стадий жизни» (Э. Гинзберг, С. Акселрад, И. Херма) теория «индивидуальности» (Д. Сьюпер, Л. Тайлер, Дж. Холланд), «мотивационные» теории (В. Врум, Д. Блохер и Р. Шутц, Э. Ро). Важной особенностью этих теорий является стремление их сторонников выявить некоторые особенности становления индивида как субъекта выбора профессии. К критериям, определяющим процесс профессионального самоопределения, относят потребности, интересы, знания о профессии и о самом себе.

Теоретические аспекты проблемы самоопределения анализируются в трудах Б. Г. Ананьева, Л. И. Божович, Е. А. Климова, А. В. Петровского, С. Л. Рубинштейна, В. В. Чебышевой и других.

Постепенно складывается потребность в изучении роли субъективных факторов в профессиональном самоопределении молодежи. К их числу относятся и представления о профессии.

Из отечественных работ 20-30-х годов XX столетия, посвященных изучению этого вопроса, наибольший интерес представляет исследование И.С. Лапатухина, в котором рассматриваются теоретические аспекты проблемы, разработана своеобразная методика изучения профессиональной осведомленности, приводится фактический материал. Позднее появляются работы В.В. Ермолина, Г.А. Журавлевой, Н.И. Крылова, И.Н. Назимова, Т.В. Фомичевой, В.В. Чебышевой, В.В. Ярошенко и других, в которых, указывается на наличие прямой связи между особенностями представлений (адекватные, неадекватные) и характером выбора профессии (сознательный, случайный). Подчеркивается зависимость профессионального самоанализа учащихся (формирование адекватной самооценки пригодности к профессии) от характера их представлений о требованиях, предъявляемых профессиями к работникам (И.В. Михайлов и др.).

Выбор профессии — это сложный процесс для человека, который необходимо совершить на основе предварительной обзорной ориентировки во всем разнообразии профессий. Работа оказывает большое влияние на состояние и самочувствие человека. Американские ученые показали, что удачно выбранная профессия повышает

самоуважение и позитивное представление человека о себе (Dore R., Meachum M., 1983; Erickson E.H., 1968); сокращает частоту физических и психических проблем, связанных со здоровьем (Schmitt N., Mellon P. M., 1980). Безусловно, адекватность выбора и уровень освоения профессией влияет на все стороны жизни человека. В исследованиях Е.П.Ермолаевой подчеркивается, что профессиональная идентичность – это важнейший фактор психологического благополучия человека, поскольку она обеспечивает «психоэкологический баланс» – ощущение стабильности окружающего мира и уверенности в своих силах [3].

Таим образом, из приведенного дискурс-анализа вышесказанного мы видим, что профессиональная идентичность — это важная составляющая идентичности человека в целом. Профессиональная идентичность подразумевает, что человек осознает и принимает всю суть своей профессии, причисляя себя к профессиональной группе.

Когда у человека сформирована профессиональная идентичность, это значит, что он выбрал правильную профессию. Процесс познания и приобретения опыта в профессиональной деятельности только усиливали его тождественность с выбранной профессией. Когда у человека сформирована профессиональная идентичность, это положительно влияет не только на качество его работы, но и на его психологическое состояние.

Список литературы

1. Брагина, В.Д. Влияние представлений о выбранной профессии на профессиональное самоопределение учащейся молодежи: дис. ... канд. психол. наук. - Москва, 1976. – 187 с.
2. Душков, Б.А., Королев, А.В., Смирнов, Б.А. Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика. - Москва: Академический проект, 2005.
3. Ермолаева Е. П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность (ст. первая) // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 4. - С. 51-59.
4. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Москва: Русский язык, 2000. - 1233 с.

5. Клейберг Ю.А. Психология профессиональной карьеры: учебно-методическое пособие. – Москва: ИИУ МГОУ, 2018. – 144 с.
6. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. – Москва: Академия, 2004. – 304 с.
7. Рыбников, Н. С. Психология и выбор профессии. – Москва: Орел, 1992. – 71 с.
8. Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность: Монография. - Москва, 2001. - 272 с.
9. Эриксон, Э. Детство и общество. – СПб: Питер, 2020. – 448 с. – (Серия: «Мастера психологии»).
10. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 332 с.
11. Frank Parsons and the Progressive Movement by Donald G. Zytowski [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://findarticles.com>.
12. Frank Parsons (social reformer) [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://en.wikipedia.org/wiki/Frank_Parsons_\(social_reformer\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Frank_Parsons_(social_reformer)).

References

1. Bragina, V.D. The influence of ideas about the chosen profession on the professional self-determination of student youth: dis. ... cand. psychol. Sciences. - Moscow, 1976. - 187 p.
2. Dushkov, B.A., Korolev, A.V., Smirnov, B.A. Psychology of work, management, engineering psychology and ergonomics. - Moscow: Academic project, 2005.
3. Ermolaeva E. P. Professional identity and marginalism: concept and reality (first article) // Psychological journal. 2001. V. 22. No. 4. - S. 51-59.
4. Efremova, T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory derivational. - Moscow: Russian language, 2000. - 1233 p.
5. Kleyberg Yu. A. Psychology of professional career: teaching aid. - Moscow, 2018. - 144 p.
6. Klimov E.A. Psychology of professional self-determination. - Moscow: Academy, 2004. - 304 p.
7. Rybnikov, N. S. Psychology and choice of profession. - Moscow: Orel, 1992. - 71 p.
8. Schneider, L.B. Professional identity: Monograph. - Moscow, 2001. - 272 p.
9. Erickson, E. Childhood and society. - St. Petersburg: Peter, 2020. - 448 p. - (Series: "Masters of Psychology").

10. Erickson, E. Identity: youth and crisis / Per. from English; total ed. and foreword. A.V. Tolstykh. – М.: Progress, 1996. – 332 p.

11. Frank Parsons and the Progressive Movement by Donald G. Zytowski [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://findarticles.com>.

12. Frank Parsons (social reformer) [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://en.wikipedia.org/wiki/Frank_Parsons_\(social_reformer\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Frank_Parsons_(social_reformer)).

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.**

**ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА НА МАКРО- И
МИКРОУРОВНЯХ: СЕЛЕКЦИЯ МЕТОДОВ И ИНСТРУМЕНТОВ
ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ**

М. Г. Аллабян

(Москва, Россия)

Информация об авторе: *АЛЛАБЯН Максим Геннадьевич*, PhD доктор философии (по экономике). Ректор Высшей школы предпринимательства (институт), Федеральный эксперт по программам высшего образования Минобрнауки РФ член-корреспондент Международной академии образования.

**INDUSTRIAL POLICY ON MACRO AND
MICRO-LEVEL: SELECTION OF METHODS AND INSTRUMENTS
FORMATION AND IMPLEMENTATION**

PhD in Economics Maxim G. Allabyan

(Moscow, Russia)

Information about the author: *Maxim G. ALLABYAN*, PhD Doctor of Philosophy (in Economics). Rector of the Higher School of Entrepreneurship (Institute), Federal Expert on Higher Education Programs of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Corresponding Member of the International Academy of Education.

Современная управленческая парадигма может быть представлена следующими основными положениями. Во-первых, происходит отказ от принципов управленческого рационализма классических школ менеджмента, в основе которых лежат рационализация труда, снижение издержек, специализация и другие внутренние факторы. Развиваются синергетические представления об управлении, в соответствии с которыми из внешних факторов, влияющих на формирование промышленной политики, занимают научно-технический прогресс, приводящий к комплексной автоматизации и информатизации производства. Управление автоматизированным производством, ориентированным на динамическую внешнюю среду, требует иных подходов, чем применявшиеся во времена Ф. Тейлора и Г. Форда. Сказанное, однако, не означает, что идеи управленческого рационализма являются ошибочными и противоречащими современной системе экономических отношений. По мнению Т.Ю. Ивановой, В.И. Приходько «рационализма оказывается недостаточно, поскольку он решает локальные задачи воздействия на производственный процесс» [Иванова Т.Ю., 2004, с. 12].

Во-вторых, представления системного анализа становятся неотъемлемой частью интеллектуального аппарата руководителя любого уровня. Системный подход предполагает, что промышленные организации, являясь открытыми системами, эволюционируют одновременно с внешней средой.

В-третьих, получают развитие гуманитарные аспекты управления. Управление на макро- и микроуровне представляет собой ответственное поведение перед различными заинтересованными группами. При этом учитываются такие факторы, как мотивация поведения, этика, ориентация на определенную систему ценностей.

В контексте сказанного выше, формирование промышленной политики относится к области знаний, отличающихся системностью и сложностью, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Указанные обстоятельства позволяют отнести представления

о формировании промышленной политики к позитивной и одновременно нормативной науке.

Впервые деление экономической науки на позитивную и нормативную было проведено Дж. Н. Кейнсом, который утверждал, что «положительная (позитивная) наука может быть определена как совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что есть; нормативная или регулятивная наука – как совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что должно быть, и потому имеющих своим предметом идеальное как нечто отличное от действительного» [Кейнс Дж.Н., 1987, с. 27].

Согласно Дж. Н. Кейнсу, основная цель позитивной экономической науки заключается в познании сущности экономических процессов, а главная задача нормативной экономической теории – в разработке экономически должного, неких принципов и методов, способных идеально регулировать функционирование экономической системы.

Уточняя представления Дж. Н. Кейнса применительно к экономикс, К. Макконнелл и С. Брю указывали на то, «что позитивный экономикс имеет дело с фактами (уже отобранными и перешедшими на уровень теории) и свободен от субъективных оценочных суждений» [Макконнелл К., 1992, с. 23]. Позитивный экономикс формулирует «научные представления об экономическом поведении. В противоположность этому нормативный экономикс олицетворяет оценочные суждения относительно того, какой должна быть экономика» [Макконнелл К., 1992].

Анализ основных концепций промышленного развития позволил сделать вывод о том, что мировая и отечественная экономическая наука внесли существенный вклад в формирование системного представления о целях и методах их достижения. Однако, хотя содержащиеся в них рекомендации могут в большей или меньшей степени быть адаптированы к решению современных проблем развития индустриальной сферы, в реальной действительности это происходит далеко не всегда. Это не означает, что промышленная политика остается в России недостаточно эффективной лишь по причине наличия большого разрыва между хорошо разработанной теорией и не учитывающей ее рекомендации практикой. Целый ряд проблемных областей остается и в самой экономике

индустриальной сферы. Одна из таких проблем, связанная с повышением эффективности экономической интеграции и гармонизации управленческих воздействий, находится в центре настоящего исследования. Для того чтобы более детально разобраться в роли гармонизации в устранении структурных диспропорций в развитии промышленной сферы, обеспечении ее стратегической конкурентоспособности исследуются современные тенденции (на примере Центрального федерального округа) и место интеграционных процессов в системе мер промышленной политики.

В экономической литературе, чаще всего, под методом понимается упорядоченная деятельность по достижению определенной цели, совокупность приемов и операций практического или теоретического содержания, позволяющих достичь запланированных результатов [Иванова Т.Ю., 2004, с. 12]. Как правило, методами называют «сложные познавательные процедуры, которые включают в себя целый набор различных приемов исследования» [Алексеев П.В., 1999, с. 307]. Ю. И. Хаустов, П. А. Канапухин под методом понимают систему способов и приемов познания объекта [Хаустов Ю.И., 2006, с. 17].

В интерпретации А.М. Орехова метод рассматривается как «определенная совокупность устойчивых правил, предназначенная для достижения какой-либо цели». Далее А.М. Орехов указывает: «основное предназначение метода – быть «компасом» или «светильником» в руках познающего субъекта на пути к чему-либо» [Орехов А.М., 2006].

Приступая к обоснованию методов формирования и реализации промышленной политики, нами был проведен монографический анализ понятия «метод», причем за основу были взяты общенаучные, философские представления о сущности и содержании метода (здесь и далее метода исследований. – М.А.).

В общем виде, метод представляет собой «систему принципов, приемов, правил, требований, которыми необходимо руководствоваться в процессе познания» [Алексеев П.В., 1999, с. 307]. В соответствии с приведенным определением представляется возможным выделить операциональный, предметно-содержательный и аксиологический аспекты метода.

Операциональное существо метода обуславливается совокупностью требований, характеризующих порядок познавательных операций, которые составными элементами входят в метод. Операциональный аспект метода указывает на зависимость метода от субъекта и объекта исследования. На разработку метода оказывает существенное влияние уровень научной подготовки исследователя, его умение перевести представления об объективных законах в познавательные приемы, способность совершенствовать и модифицировать эти приемы. С учетом сказанного выше, можно сделать вывод о том, что метод субъектен, точнее субъективен. Подтверждением этому является множество представлений о методах формирования и реализации промышленной политики, среди которых и совокупность методов, отобранная автором данного исследования и представленная ниже.

Предметная содержательность метода состоит в том, что в нем отражено знание о предмете исследования. Метод основывается на знании, в частности, на теории, которая опосредует отношение метода и объекта. Предметная содержательность метода свидетельствует о наличии у него объективного (объектного) основания.

Аксиологический аспект метода выражается в степени его надежности, экономичности, эффективности. Исследователи отдают предпочтение методам, которые отличаются большей объективностью и позволяют достичь цели с меньшими затратами ресурсов (в том числе временных и энергетических).

П.В. Алексеев, А. В. Панин различают специальные, общенаучные и универсальные методы научных исследований. Специальные методы, по мнению указанных авторов, применимы только в рамках отдельных наук. Объективной основой таких методов являются соответствующие специально-научные законы и теории [Алексеев П.В., 1999, с. 307]. В экономических исследованиях к специальным методам относятся: метод Монте-Карло, метод экономико-математического моделирования, бенчмаркинг и другие методы.

Общенаучные методы характеризуют общих для различных научных областей ход проводимых исследований. Объективной основой общенаучных методов являются общеметодологические закономерности познания и гносеологические принципы. К

общенаучным методам, применимым, в том числе, в экономике и управлении, относятся методы эксперимента и наблюдения, метод моделирования, метод дедукции, метод разработки гипотез, метод восхождения от абстрактного к конкретному и другие методы.

Универсальные методы применимы во всех сферах исследовательской деятельности. Опираясь на общепhilosophические закономерности, универсальные методы позволяют получить объективное представление о внешней среде, изучить сложные экономические процессы и связи, возникающие между ними.

В экономической литературе встречаются и иные классификации методов экономических исследований. Так, А. М. Ореховым предложен не традиционный подход к классификации методов исследований, заключающийся в выделении прямых (сущностных) и косвенных методов, а также системных и структурно-функциональных методов. К прямым методам указанный автор относит методы, результатами использования которых «могут стать концепции, формулы, программы; к косвенным – методы, применяющие различные статистические зависимости [Орехов А.М., 2006, с. 38].

Наиболее общей является следующая классификацией методов научных исследований:

1) по критерию научности:

- научные методы исследования (всеобщие (philosophические), общие (математические и статистические методы, эксперимент, наблюдение, моделирование и др), частные (экономический эксперимент, экономическое наблюдение, экономическая индукция, построение экономических гипотез, анализ хозяйственной деятельности, SWOT-анализ));

- ненаучные методы исследования (суждение);

2) по критерию логичности:

- логические (методы дедукции и индукции, метод формализации и математизации, метод логической интерпретации, метод аксиоматизации, метод аналогий, метод доказательства, метод компаративного анализа);

- нелогические (экономическое наблюдение, экономический эксперимент, экономическую интуицию) методы исследования;

3) по критерию обоснованности:

- теоретические (экономический анализ, экономический синтез, экономическая интерпретация);

- эмпирические (экономическое наблюдение, экономический эксперимент) методы исследования [Анисимов Ю.П., 2012, с. 28].

Несмотря на свою важность и значимость, как для отдельных предприятий, так и для национальной экономики, современная промышленная политика осуществляется недостаточно системно и, как следствие, не эффективно, что негативно влияет на результаты производства в промышленной сфере.

Низкая результативность функционирования промышленного сектора экономики нашей страны связана, в первую очередь, с несовершенством методического обеспечения процесса разработки и реализации промышленной политики. В качестве основных недостатков подходов к разработке промышленной политики, сложившихся в отечественной управленческой практике, следует выделить следующее: неразвитость стратегических аспектов промышленной политики, обуславливающая ее преимущественную реализацию в плоскости текущих управленческих проблем; применение в управлении промышленной сферой и в менеджменте в промышленных организациях общих кейсов, не позволяющих дифференцировано подойти к разработке промышленной политики; отсутствие согласованности в содержании макро- и микроэкономической политики; реактивность комплекса инструментов и методов разработки и реализации промышленной политики.

Выделение указанных недостатков стало основанием для разработки согласованных по уровням управления методов (M_i , где $i=1, \dots, 6$ и соответствует числу выделенных автором групп методов формирования промышленной политики) и инструментов (T_{ij} , где $i=1, \dots, 6$ и соответствует числу выделенных автором групп методов, $j=1, \dots, n$ и соответствует количеству инструментов, согласующихся с той или иной группой методов формирования промышленной политики) (табл. 1).

Таблица 1 – Инструменты и методы формирования промышленной политики

Методы разработки и реализации ПП	Уровень управления		Инструменты разработки и реализации ПП
	Ма кро	Ми кро	
Экономические (M₁)	$T_{11}, T_{12}, T_{15}, T_{16}$	T_{11}, T_{12}, T_{14}	Субсидирование процентной ставки по кредитам (T ₁₁), индикативное управление (T ₁₂), тарифное и нетарифное регулирование (T ₁₃), исправление «провалов рынка» (T ₁₄), стимулирование межсекторального перелива капитала (T ₁₅), индикативное планирование (T ₁₆), соглашение о стратегическом партнерстве субъектов индустриального сектора экономики (T ₂₁), программа развития промышленных предприятий и их объединений (T ₂₂), моделирование экономического взаимодействия (T ₂₃), модернизация социально-значимых, санация убыточных промышленных предприятий (T ₂₄), федеральные и региональные целевые программы (T ₃₁), бюджетное (T ₃₂) и внебюджетное инвестирование (T ₃₃), стратегические программы развития (T ₄₁), дорожные карты развития промышленной сферы и ее участников (T ₄₂), нормативно-правое регулирование социально-трудовых отношений (T ₄₃), миграционное законодательство (T ₄₄), установление величины МРОТ (T ₅₁), стратегическое соглашение с профсоюзами (T ₅₂), сепарация и кластеризация (T ₆₁), матричное или дивизиональное построение организационных структур (T ₆₂)
Институциональные (M₂)	T_{21}, T_{23}	T_{22}, T_{24}	
Бюджетные (инвестиционные) (M₃)	T_{31}, T_{32}	T_{32}, T_{33}	
Законодательные (нормативные) (M₄)	T_{41}, T_{42}, T_{44}	T_{42}	
Социальные (M₅)	T_{51}, T_{52}	T_{51}, T_{43}	
Организационные (M₆)	T_{61}	T_{61}, T_{62}	

Под экономическими методами формирования промышленной политики автор понимает способы согласования экономических интересов субъектов, заинтересованных в ее разработке и эффективной реализации, таких как государство, регионы, промышленные организации и их объединения.

На макроуровне к экономическим методам относятся способы достижения целей развития национальной экономики, разрабатываемые и подлежащие реализации органами государственной (исполнительной) власти в соответствии с характерной для

текущего состояния социально-экономической системы моделью управления экономикой. В работе уже поднимался вопрос об особенностях либеральной, административной и дирижистской моделей. Разделяя точку зрения О.А. Романовой, мы считаем, что наиболее предпочтительной для формирования и эффективной реализации промышленной политики в нашей стране является дирижистская модель. Проводя сравнительный анализ опыта формирования промышленной политики в ряде латиноамериканских стран, стран Восточной Европы, Азии и России, О.А. Романова отмечает, что промышленная политика, разработанная в соответствии с «идеологией «Вашингтонского консенсуса», декларирующего либерализацию внешней торговли, жесткий контроль над инфляцией, приватизацию государственных предприятий и создание возможностей для свободной купли-продажи национальных ресурсов, дерегулирование экономики и жесткую монетарную политику» продемонстрировала свою несостоятельность [Романова О.А., 2011, с. 29] и не привела к улучшению экономической ситуации в этих странах. В то же время, существенных позитивных результатов (значительный рост ВВП на душу населения, рост продолжительности и качества жизни) удалось достичь благодаря реализации промышленной политики в странах Юго-Восточной Азии, направленной на уменьшение их технологического отставания от развитых стран, в отличие от указанных выше мер, характерных для «Вашингтонского консенсуса».

Реализация экономических методов формирования промышленной политики в соответствии с дирижистской моделью управления экономикой сопряжена с ростом государственных расходов на развитие производственной инфраструктуры, регулирование экономических процессов, финансирование научных исследований и разработок, что является крайне необходимым для отечественной экономики на современном этапе ее развития. Крайне наглядным, в связи с этим является опыт формирования промышленной политики Китая, осуществляющего программу долгосрочного развития своей экономики в рамках «Большой стратегии» развития этой страны, нацеленной на достижение экономического роста с помощью государства при обеспечении независимости и национальных интересов в условиях стабильности.

Высокие темпы роста промышленного производства и другие индикаторы, свидетельствующие об эффективности формирования и реализации промышленной политики Китая, побуждают к исследованию экономических методов, положенных в основу ее разработки. Концептуальной основой проводимых в Китае экономических реформ являются «теория нащупывания» и «теория кошки». «Теория нащупывания» имеет общую методологию с теориями Ф. Перру и Ж. Будвиля и предполагает проведение своеобразных экономических экспериментов в условиях недостаточно развитых регионов страны, а затем распространение полученного положительного опыта на национальную экономику в целом, то есть осуществление общего и функционального бенчмаркинга. Положительно оценивая данный подход, предполагающий «нащупывание преград и их осторожное преодоление», следует подчеркнуть, что в отечественной экономике, страдающей от революционных потрясений, формирование промышленной политики подобным образом является крайне желательным.

Однако, наибольшего внимания, по нашему мнению, заслуживает «теория кошки», аналогом которой является проводившаяся в нашей стране в 1921-1925 гг. новая экономическая политика, позволившая достичь существенного роста важнейших экономических показателей. В соответствии с «теорией кошки» единственным критерием целесообразности применяемых при формировании и реализации промышленной политики экономических методов является их способность обеспечить рост промышленного производства, а главное – благосостояния страны и ее граждан. Аналогичным образом, новая экономическая политика сочетала в себе либеральные, административные, капиталистические и социалистические способы организации производства и управления, нацеленные на восстановление народного хозяйства и достижение общего благоприятного для всех сфер экономики результата, проявившемся в следующем: за период с 1921 по 1926 г. индекс промышленного производства увеличился более чем в 3 раза; сельскохозяйственное производство возросло в 2 раза и превысило на 18 % уровень 1913 г.; в результате проведения денежной реформы 1922-1924 гг. рубль стал свободно конвертируемой валютой [<http://ru.wikipedia.org/wiki/>].

Экономическими методами формирования промышленной политики на микроэкономическом уровне являются способы побуждения разработчиков и исполнителей промышленной политики к ее эффективной реализации, основывающиеся на материальном стимулировании, то есть базирующиеся на экономической заинтересованности субъектов формирования промышленной политики в достижении запланированных в ходе ее реализации результатов.

К инструментам формирования промышленной политики, соответствующим экономическим методам, относится:

(1) на макроуровне – субсидирование процентной ставки по кредитам; индикативное управление; тарифное и нетарифное регулирование; стимулирование межсекторального перелива капитала; индикативное планирование;

(2) на микроуровне – субсидирование процентной ставки по кредитам; индикативное управление; текущее и стратегическое планирование.

Институциональные методы формирования промышленной политики представляют собой способы создания условий, благоприятных для разработки и реализации промышленной политики. В качестве таких условий, А.Н. Лопатиной, являющейся сторонницей «Пекинского консенсуса», представляющего собой противоположность «Вашингтонского консенсуса», было выделено следующее:

- ✓ инновационное развитие экономики;
- ✓ активное участие государства в развитии наиболее значимых отраслей экономики (тяжелая и добывающая промышленность, наукоемкие отрасли);
- ✓ сбалансированный качественный устойчивый рост в условиях поступательного движения реформ;
- ✓ открытость экономики для иностранного капитала и транснациональных корпораций, а также для внедрений новейших управленческих институтов и технологий;
- ✓ развитие образовательного, духовного и культурного уровня общества [Лопатина А.Н., 2010, с. 65-69].

Сочетание различных институциональных методов формирования промышленной политики в экономической литературе интерпретируется как жесткая (вертикальная) или

мягкая (горизонтальная) модель промышленной политики. «Первая из них предполагает стимулирование конкретных производств при использовании в качестве инструмента государственной поддержки всевозможных льгот. Вторая модель ориентируется на создание общих для всех отраслей возможностей развития производства» [Романова О.А., 2011, с. 31].

Институциональным методам формирования промышленной политики соответствуют следующие инструменты:

1) на макроуровне – соглашение о стратегическом партнерстве субъектов индустриального сектора экономики; моделирование экономического взаимодействия субъектов формирования и реализации промышленной политики;

2) на микроуровне – программа развития промышленных предприятий и их объединений; модернизация социально-значимых (санация убыточных) промышленных предприятий.

Отсутствие согласованности в блоке институциональных методов и инструментов формирования промышленной политики, их недостаточная разработанность и обоснованность крайне негативно сказываются на результатах функционирования промышленной сферы. Так, в результате того, что при формировании промышленной политики в отечественной практике не учитывались экономические и финансовые макропропорции, в промышленной сфере возникли структурные проблемы, проявляющиеся в несоответствии концентрации занятых и объемов производства конкурентоспособных товаров, подлежащих реализации на мировом рынке. В отечественной промышленности наблюдается высокая концентрация занятых в отраслях с невысокой конкурентоспособностью, что в целом не позволяет считать промышленную сферу национальной экономики конкурентоспособной.

В зависимости от уровня реализации методы формирования промышленной политики делятся на:

- бюджетные, относящиеся к макроэкономическому уровню и представляющие собой способы разработки промышленной политики с учетом возможности финансирования необходимых для ее реализации мероприятий за счет средств бюджетов

различных уровней;

- инвестиционные, применяемые на микроэкономическом уровне, базирующиеся на использовании внутренних источников финансирования, предусмотренных программой реализации промышленной политики мероприятий.

Реализация бюджетных методов согласуется со следующим инструментарием: федеральные и региональные целевые программы; бюджетное инвестирование, а реализация инвестиционных методов – с бюджетное и внебюджетное инвестирование.

Аналогично предыдущей группе методов, в зависимости от уровня реализации методы формирования промышленной политики делятся на законодательные, разрабатываемые на макроэкономическом уровне и представляющие собой способы правового регулирования формирования промышленной политики как элемента государственной экономической политики, и нормативные методы, относящиеся к микроэкономическому уровню и определяющие характер с содержание промышленной политики, подлежащей реализации внутри промышленных организаций.

Гармонизация формирования промышленной политики достигается посредством согласования:

- законодательных методов со следующими инструментами: стратегические программы развития, дорожные карты развития промышленной сферы и ее участников, нормативно-правое регулирование социально-трудовых отношений, миграционное законодательство⁵;

- нормативных методов с дорожными картами развития промышленных организаций, как универсальным инструментом формирования промышленной политики.

Характеризуя инструменты формирования промышленной политики, относящиеся к законодательным методам, следует остановиться на миграционном законодательстве, так как этот вопрос приобретает все возрастающее значение. Экономическая миграция связана с наличием других регионов или государств, отличающихся более высоким уровнем жизни и благосостоянием граждан, более выгодными условиями жизни и

---

⁵ Примерами законодательных инструментов являются «Программа социально-экономического развития Воронежской области»; ФЗ «О противодействии коррупции» и др.

работы. Экономическую эмиграцию нередко связывают с таким понятием как «утечка мозгов». Действительно, по экономическим причинам эмигрируют, как правило, высококвалифицированные специалисты, работники редких профессий, ученые, деятели искусства, спортсмены. Такая эмиграция является весьма выгодной для принимающего государства, и миграционное законодательство некоторых стран приветствует и стимулирует приток в страну «ценных» работников. Однако эмиграция по экономическим причинам может быть крайне невыгодной для принимающего эмигрантов государства. Каждое государство отличается от остальных уровнем благосостояния и уровнем оплаты труда различных работ. Нередко в соседних странах оплата труда одних и тех же категорий работников отличается в несколько раз. Вот почему население из более отсталой страны стремится получить работу в более развитых странах, нередко даже на нелегальной основе. Эмигранты такого рода согласны на более низкую оплату труда, по сравнению с коренным населением страны. Следствием такой эмиграции становится повышение уровня безработицы в стране, принимающей эмигрантов и обострение социальной напряженности. Приток дешевой рабочей силы исторически отмечался в США из Мексики и других стран Латинской Америки, в Германию из Турции, во Францию из Алжира и других бывших колоний. В России, традиционно прибывают мигранты из Китая, Вьетнама и Средней Азии. Так, например, в Хабаровском крае в 2012 году общее количество гастарбайтеров составило 23,7 тыс. человек, в том числе выходцев из Китая – около 6,9 тыс. человек; в Приморском крае из 16 тыс. иностранцев, получивших в 2012 году разрешение на осуществление трудовой деятельности, выходцами из КНР оказались 6 394 человек, 7 378 человек прибыли из стран СНГ, в первую очередь из Средней Азии. Движимые экономическими причинами и мотивами, прибывающие в нашу страну мигранты формируют предложение на рынке труда. Учитывая тот факт, что целью разработки и реализации промышленной политики является рост благосостояния населения нашей страны, при ее разработке необходимо учитывать негативные последствия притока дешевой рабочей силы.

Социальные методы формирования промышленной политики преследуют цель соблюдения макроэкономических пропорций в процессе разработки и реализации

промышленной политики.

На макроуровне к социальным методам относятся способы формирования системы отношений органов государственной (исполнительной) власти, промышленных организаций и их объединений, образовательных учреждений, институтов гражданского общества, касающихся изменения сектральных пропорций, способствующих повышению устойчивости и конкурентоспособности национальной экономики в соответствии с национальными приоритетами.

Следует признать, что разработка социальных методов формирования промышленной политики в отечественной практике происходит не эффективно и не соответствует современным представлениям о сочетании экономических и социальных методов при разработке промышленной политики, что не позволяет оптимизировать групповые, сектральные и общенациональные интересы. В связи с этим мы считаем необходимым обеспечить стратегическую направленность относящихся к промышленной политике программных мероприятий, направленных на социализацию бизнеса в промышленной сфере.

Свое проявление социальные методы формирования промышленной политики на микроэкономическом уровне находят в разработке стратегических ориентиров, направленных на ответственное поведение промышленных организаций перед заинтересованными группами посредством выполнения своих обязательств.

Целевыми ориентирами формирования промышленной политики (в контексте социальных методов) на микроэкономическом уровне являются:

1. Определение цели деятельности промышленной организации (или ее подразделения).
2. Установление перечня операций, входящих в производственный процесс и отвечающих технологии производства, определение последовательности и продолжительности выполнения операций в соответствии с технологическими картами, планами, схемами, технико-экономическими обоснованиями и другими документами.
3. Решение вопросов, связанных со специализацией и кооперацией труда. Закрепление отдельных трудовых операций за конкретными работниками и определение

системы взаимодействия работников друг с другом, управления человеческими ресурсами и соподчинения. Подбор и расстановка кадров. Предотвращение моббинга.

4. Рационализация рабочих процессов и рабочих мест.

5. Разработка и внедрение систем оплаты труда.

6. Создание благоприятных экономических, социальных и экологических условий производства.

7. Контроль за качеством труда, дисциплиной и соблюдением договорных обязательств работников и менеджмента.

На макро- и микроуровне инструментами, согласующимися с социальными методами формирования промышленной политики, являются: нормативно-правое регулирование социально-трудовых отношений, установление минимального размера оплаты труда, стратегическое соглашение с профсоюзами.

Организационные методы формирования промышленной политики на макроуровне представляют собой способы организации эффективного взаимодействия субъектов, заинтересованных в ее разработке и реализации.

На микроуровне под организационными методами формирования промышленной политики понимается упорядочение внутрифирменного взаимодействия, подчинение организационного устройства целям разработки и реализации промышленной политики.

Организационным методам формирования промышленной политики соответствуют следующие инструменты:

1) на макроуровне – сетизация и кластеризация;

2) на микроуровне – сетизация и кластеризация, матричное или дивизиональное построение организационных структур.

В целом, промышленная политика представляет собой чрезвычайно действенный прием согласования интересов участников индустриального сектора национальной экономики и достижения их целей.

При условии соблюдения требований к научной обоснованности, своевременности, динамичности, самоорганизации, своевременности корректировки хода реализации в соответствии с изменениями внешней среды, комплексности и системности применения

в практике управления промышленными предприятиями (производственными объектами), а также органами государственной (исполнительной) власти, реализация промышленной политики способна создать среду, благоприятную для эффективного и устойчивого функционирования индустриальной сферы экономики и секторальной концентрации конкурентоспособных промышленных предприятий.

Список литературы

1. Алексеев П.В. Философия. Учебник. Издание второе, переработанное и дополненное. – М.: «Проспект», 1999. – 576 с.
2. Анисимов Ю.П. Инструменты и методы превентивного управления предприятиями пищевой промышленности / Ю.П. Анисимов, Н.В.Сироткина, Д.А. Щербаков. - Воронеж: «ИПЦ Научная книга», 2012. – 200 с.
3. Иванова Т.Ю. Теория организации / Т.Ю. Иванова, В.И.Приходько. – СПб: Питер, 2004. – 269 с.
4. Кейнс Дж. Н. Предмет и метод политической экономии. – М.: Прогресс, 1987. – 450 с.
5. Кохановский В.П. Философия и методология науки. – Ростов н/Д: Научная книга, 1999. – 577 с.
6. Лопатина А.Н. От «Вашингтонского консенсуса» и «Пекинскому» // США и Канада: экономика-политика-культура. 2010. № 9. С. 65-69.
7. Макконнелл К. Экономикс: принципы, проблемы и политика / К.Макконнелл, С. Брю. – М.: Финансы и кредит, 1992. – 278 с.
8. Хаустов Ю.И. Методология экономических исследований в ретроспективе: Учебное пособие / Ю.И. Хаустов, П.А. Канапухин. – Воронеж: Изд-во Воронеж.гос.ун-та, 2006. – 208 с.
9. Орехов А.М. Методы экономических исследований: Учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 392 с.
10. Романова О.А. Национальная модель экономического развития и формирования промышленной политики // *Ars administrandi*. 2011. № 1. С. 27-42.

11. http://ru.wikipedia.org/wiki/%CD%EE%E2%E0%FF_%FD%EA%EE%ED%EE%EC%

References

1. Alekseev P.V. Philosophy. Textbook. Second edition, revised and enlarged. - M.: "Prospect", 1999. - 576 p.
2. Anisimov Yu.P. Instruments and methods of preventive management of food industry enterprises / Yu.P. Anisimov, N.V. Sirotkina, D.A. Shcherbakov. - Voronezh: "CPI Scientific Book", 2012. - 200 p.
3. Ivanova T.Yu. Theory of organization / T.Yu. Ivanova, V.I. Prikhodko. - St. Petersburg: Peter, 2004. - 269 p.
4. Keynes JN Subject and method of political economy. – M.: Progress, 1987. – 450 p.
5. Kokhanovsky V.P. Philosophy and methodology of science. - Rostov n / D: Scientific book, 1999. - 577 p.
6. Lopatina A.N. From the "Washington Consensus" and "Beijing Consensus" // USA and Canada: Economics-Politics-Culture. 2010. No. 9. S. 65-69.
7. McConnell K. Economics: principles, problems and politics / K. McConnell, S. Brue. - M.: Finance and credit, 1992. - 278 p.
8. Khaustov Yu.I. Methodology of economic research in retrospect: Textbook / Yu.I. Khaustov, P.A. Kanapukhin. - Voronezh: Publishing House of the Voronezh State University, 2006. - 208 p.
9. Orekhov A.M. Methods of economic research: Proc. allowance. – M.: INFRA-M, 2006. – 392 p.
10. Romanova O.A. National model of economic development and industrial policy formation // Ars administrandi. 2011. No. 1. S. 27-42.
11. http://ru.wikipedia.org/wiki/%CD%EE%E2%E0%FF_%FD%EA%EE%ED%EE%EC%

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.**

Книжные новинки

Клейберг Ю.А. Девиантология абсурда. Курс лекций с кейсами для студентов вузов. – Алматы: «Лантар books», 2023. – 167 с.

Клейберг Ю.А. Системная архитектура психологии добровольческой деятельности: Учебник. - Алматы: «Лантар books», 2023. – 473 с. – (Серия «Учебник XXI столетия»).

Гилинский Я.И. Онтологический трагизм бытия. – СПб: «Алатейя», 2023. – 186 с.

Клейберг Ю.А., Козлов В.В., Тесленко А.Н. Девиантология XXI столетия в контексте актуальной ситуации. Монография. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2023. – 100 с.

Клейберг Ю.А. Креативная девиантология: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2023. – 198 с.

Клейберг Ю.А. Девиантология геноцида. Курс лекций с кейсами и практикумом для студентов вузов. – 2-е изд., доп. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2023. – 150 с.

Клейберг Ю.А. Ювенология (Психология социальной активности молодежи). Монография. – М.: Изд-во ИП Петросян, 2023. – 214 с.

Клейберг Ю.А. Основы международного права: Курс лекций с кейсами и практикумом для вузов. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2023. – 256 с.

Козлов В.В. Современная личность: самоактуализация и самореализация. Монография. – М.: ИП Петросян, 2023. – 336 с.

Козлов В.В. Влияние медитативных практик на социально-психологические свойства личности. Монография. – М.: ИП Петросян, 2023. – 328 с.

Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. Избранные труды: монография. – В 3-х т. – Т. 3. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2023. – 281 с.

Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. Избранные труды: монография. – В 3-х т. – Т. 2. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2023. – 277 с.

Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. Избранные труды: монография. – В 3-х т. – Т. 1. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2022. – 602 с.

Клейберг Ю.А. Психология организационного поведения, социального риска и безопасности личности: учебно-метод. пособие. – Алматы: Adal Kitap, 2022. – 267 с.

Козлов В.В. Психология сознания: интегративный подход. Монография. – М.: Психотерапия, 2022. – 274 с.

Козлов В.В., Бубеев Ю.А. Психология и феноменология посттравматического стрессового расстройства. Монография. – М., 2022. – 248с.

Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения. Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во ИП Петросян, 2022. 446 с.

Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учебное пособие. – 13-изд., перераб. и доп. – Краснодар: Изд-во ИП Дедков, 2022. – 618 с.

Клейберг Ю.А. Ювенальная криминология: Учебник для вузов с кейсами. – Алматы: Лантар Трейд, 2022. – 221 с. – (Золотая серия «Классический учебник»).

Клейберг Ю.А. Пропедевтика ювенальной криминологии: учебник для вузов с кейсами. – Алматы: Adal Kitap, 2022. – 228 с.

Клейберг Ю.А. Основы коррупции: Учебник для гуманитарных вузов / Под ред. Ю.А. Клейберга / Э.Н. Рахимбаев и др. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2022. – 193 с.

Клейберг Ю.А. Девиантология геноцида. Курс лекций с кейсами и практикумом для студентов вузов. – М.: Изд-во ИП Петросян, 2022. – 154 с.

Клейберг Ю.А. Основы добровольческой деятельности. Монография. – Армавир: Армавирский лингвистический социальный институт, 2022. – 164 с.

Тесленко А.Н., Рыжков М.И. Юнобгогика. Педагогическое обеспечение работы с молодежью. Учебник для вузов. 2-е изд., доп. – М.: Изд-во «Юрайт», 2022. – 334 с.

Гилинский Я. Криминология постмодерна (неокриминология). – СПб: Алетейя, 2021. – 136 с.

Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»: монография. – 4-е изд. — СПб, 2021.

Козлов В.В. Психология пандемии. Монография. – 2-е изд., расшир. и доп. – Ярославль: ИАПН, РПФ «Титул», 2021. – 114 с.

Козлов В.В. Вечная психология. Монография. – М.: Ин-т консультирования и системных решений, 2021. – 328 с.

Клейберг Ю.А. Психология просоциального поведения: курс лекций с кейсами и практикумом. – Тверь: Академия Национального образования и науки; Тверской государственный университет, 2021. – 156 с.

Клейберг Ю.А., Рахимбаев Е.Н. Юридическая ювенология: учебник / Под ред. Ю.А. Клейберга. – Алматы: «Алтын Баспа», 2021. – 455 с.

Клейберг Ю.А. [и др.] Пропедевтика ювенальной криминологии: учебное пособие для вузов с кейсами / Под ред. профессора Ю.А. Клейберга. – Алматы: Изд-во «Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева»; Академия Национального образования и науки, 2021. – 153 с.

Клейберг Ю.А., Сакиева Ф.Н. Психология социально-правовой деятельности: курс лекций с кейсами и приложениями для студентов вузов и колледжей / Под ред. Ю.А. Клейберга. – Армавир: Изд-во АЛСИ, 2021. 322 с.

Клейберг Ю.А. Социальная психология добровольческой деятельности: дайджест курса с кейсами и приложениями для студентов вузов и колледжей. – Махачкала: «АЛЕФ», 2021. – 96 с.

Клейберг Ю.А. Политическая девиантология: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Ю.А. Клейберга. – Лондон-Тверь: Изд-во Академии образования Великобритании; Академия Национального образования и науки, 2021. – 160 с. (CD).

Методология современной психологии. Вып. 13 / Сб. под ред. В.В.Козлова, А.В. Карпова, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко. – М.-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2021. 430 с.

Современная девиантология: методология, теория, практика. Коллективная монография. – 2-е изд. / Под ред. Ю.А. Клейберга. – Лондон-Тверь: Изд-во Академии образования Великобритании, 2021. – 310 с. (CD).

Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других «отклонений». – СПб, 2021. – 298 с.

Клейберг Ю.А. Словарь девиантолога: учебное пособие. – 3-е изд., доп. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2021. – 171 с.

Клейберг Ю.А., Тащёва А.И., Гриднева С.В., Арпентьева М.Р. Современная девиантология и девиантотерапия. Монография / Под ред. Ю.А.Клейберга и М.Р. Арпентьевой. – Канада, Торонто, Великобритания, Лондон: Издательско-литературное агентство «Альфасфера», Международная Ассоциация девиантологов, Академия Национального образования и науки, 2021. – 169 с.

Арпентьева М.Р., Гилинский Я.И., Клейберг Ю.А., Козлов В.В., Храмцова Ф.И. Девиантологический нарратив XXI века: Социальное поведение. Риски. Безопасность личности и общества. Коллективная монография; Материалы II-го Международного Конгресса девиантологов. 19-20 декабря 2020 г. / Под ред. профессора Ю.А. Клейберга. – Лондон-Тверь: Академия образования Великобритании, 2021. – 104 с.

Гилинский Я.И. Человеческое, слишком человеческое. – СПб: Алетейя, 2020.

Тесленко А.Н. Социология популярной музыки: молодежный аспект. Монография. – Нур-Султан: Изд-во «Центр-Элит», 2020. – 220 с.

Тесленко А.Н. Ювенальная суицидология: теория, практика, профилактика. Монография. – Нур-Султан: Изд-во «Центр-Элит». 2020. 250 с.

По вопросу приобретения книг – обращаться на электронную почту журнала.

ИНФОРМАЦИЯ

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

*Академия Национального образования и науки
Международная Ассоциация девиантологов
Международная академия ювенологии*

П Р И Г Л А Ш А Ю Т

учителей школ, школьных психологов, педагогов дополнительного образования, преподавателей профессионального образования, работников дошкольного образования, сотрудников департаментов образования, представителей профессионального сообщества, ведущих специалистов-практиков, а также аспирантов, магистрантов, бакалавров вузов пройти профессиональную подготовку (переподготовку) по авторскому Проекту **«Школьная медиация и ювенальная девиантология»** с получением **Свидетельства (144 часа), Удостоверения (72 часа) или Сертификата (36 часов).**

Проект реализуется в режиме online.

Организатор и руководитель Проекта – КЛЕЙБЕРГ Юрий Александрович, лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в области образования и науки, президент Международной Ассоциации девиантологов, Международной Академии ювенологии, президент-ректор Академии Национального образования и науки, академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Цель Проекта – сформировать целостную картину проблематики и направлений развития современного психолого-педагогического и правового знания в контексте проблем ювенальной психологии, девиантологии и конфликтологии и вызовов современности; оценить место и роль школьной медиации в структуре ювенальной юстиции и ювенальной девиантологии.

К задачам Проекта относятся:

1. Активизация позитивного диалога в системах «учитель – ученик», «учитель – родитель», «учитель – учитель», «ученик – ученик» в пространстве образовательного учреждения (ДОУ, школы, колледжа, вуза);

2. Осмысление рисков деструктивного развития, поиск и обоснование средств их преодоления с опорой на механизмы и психолого-педагогические технологии культурной преемственности, взаимодополнения традиционных ценностей и новаций в интеллектуальной культуре;

3. Особое внимание будет уделено роли психологическим медиативным технологиям регуляции процессов дегуманизации и десоциализации, конфликтогенности и девиантогенности сферы образования, воспитания и развития; вопросам изучения, сохранения и использования богатого наследия отечественных педагогов и психологов, а также ученых других стран в создании безопасной среды для обеспечения интеллектуального, духовного и культурного развития личности, обучающегося.

Проект призван способствовать выработке общего представления в обсуждении гуманитарных проблем современной образовательной среды, провоцирующей проявление конфликтного и девиантного поведения субъектов образовательного и воспитательного процессов.

Планируется обсуждение следующих проблем:

- Медиация как междисциплинарный феномен и конструкт.
- Основы законодательства РФ в области ювенальной юстиции и школьной медиации. Детский омбудсмен и ювенальный тренер-медиатор: общее и особенное.
- Методология и историография медиации.
- Психологические механизмы медиации в создании безопасного образовательного пространства.
- Конфликты в образовательных организациях и способы их профилактики.
- Школьная медиация как технология разрешения конфликтов.
- Определение степени дезадаптации подростков с проявлениями агрессии в поведении по опроснику «Индекс Брейвика».
- Алгоритм работы тренера-медиатора (психолога, педагога, юриста и др.)
- Школьная медиация как альтернативный способ выхода из конфликта.
- Службы примирения в школе и их взаимодействие с ювенальными институтами социализации (школа, семья, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, служба профилактики безнадзорности и правонарушений, органы опеки и попечительства, дополнительного образования и др.). И другие.

Условия участия в Проекте:

- Направление организации (или собственная инициатива – личное заявление);
- Представление анкеты-портфолио слушателя;
- Оплата обучения. Стоимость 36-часовой программы 8300 руб.; стоимость 72-часовой программы – 16600 руб., стоимость 144-часовой программы – 24900 руб.

Максимальный набор в группу – 15 человек.

В рамках Проекта планируется создать междисциплинарную площадку для научного и научно-практического диалога между специалистами сферы образования, учеными, юристами, представителями арт-сообщества.

Итогом программы «Школьная медиация и ювенальная девиантология» планируется **Круглый стол**, на котором в виде тренинга будут (1) представлены и обсуждены индивидуальные презентации, кейсы, эссе и т.п. слушателей и (2) будет вручен документ, подтверждающий соответствующую подготовку (Свидетельство, Удостоверение или Сертификат) выпускника Проекта.

Электронный адрес руководителя Программы: klab53@rambler.ru

ПРИГЛАШЕНИЕ ВСТУПИТЬ В ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ДЕВИАНТОЛОГОВ

ПОРЯДОК ВСТУПЛЕНИЯ В ЧЛЕНЫ

Для вступления в Международную Ассоциацию девиантологов необходимо направить по электронной почте (yury.kleyberg@yandex.ru) следующие отсканированные документы:

1. Заявление в произвольной форме на имя президента Ассоциации профессора Клейберга Ю.А., с просьбой о принятии в члены Ассоциации.

К заявлению должны прилагаться сканированные документы:

1. Анкета с фотографией.
2. Диплом о высшем образовании.
3. Диплом кандидата наук
4. Диплом доктора наук*
5. Аттестат доцента*
6. Аттестат профессора*
7. Документ о почетном звании*
8. Документ(ы) о принадлежности к другим академическим (научным) сообществам (по желанию.)

9. Список научных трудов (за последние 3 года, **с указанием в конце списка в примечании общего количество трудов.** Списка заверяется подписью автора).

1. Скан паспорта (1 и 2 страница).
2. Фотография для размещения на веб-сайте Ассоциации (в электронном виде).
12. Другие документы по желанию (дипломы, награды и т.д.). *Примечание:* Документы, предусмотренные п.п. 3-7, предоставляются соискателем при наличии соответствующих ученой степени или звания.

Вступительный членский взнос (разовый) - 5 000 руб. Ежегодный членский взнос - 1000 руб.

Оплата взносов осуществляется после принятия решения комиссией Ассоциации о предоставлении соискателем полного пакета документов и их соответствии установленным требованиям. В адрес соискателя высылается квитанция с реквизитами по уплате членского (организационного) взноса.

Решение о приеме в члены Ассоциации осуществляется после уплаты соискателем членского взноса.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Тверской области **07 октября 2020** года была зарегистрирована автономная некоммерческая организация развития образования и науки **«Академия Национального образования и науки» (АНОН)**. **Основатель и президент-ректор Академии** – лауреат Государственной премии Правительства РФ в области образования и науки, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор **Клейберг Юрий Александрович**.

Целью деятельности Академии является предоставление услуг в сфере развития образования и науки, направленной на сохранение, укрепление и развитие единства образовательного и научного пространства России:

а) изучение и анализ мировых достижений в области наук об образовании с целью их использования в национальных интересах Российской Федерации;

б) обобщение и распространение в Российской Федерации и за рубежом прогрессивного национального опыта развития образования и достижений в сфере наук об образовании;

в) участие в разработке, апробации и экспертизе новых образовательных технологий, средств и форм организации обучения и воспитания детей, и молодежи;

г) участие в разработке и реализации государственной образовательной политики, стратегических направлений, целей и программ развития национального образования, взаимодействие с органами государственной власти и органами местного самоуправления в разработке и реализации образовательной политики;

д) взаимодействие с Российской академией наук, Российской академией образования, Международной академией образования, другими государственными и

общественными академиями наук, научными сообществами, творческими союзами, российскими и зарубежными организациями, участвующими в образовательном процессе и проведении научных исследований;

е) осуществление повышения квалификации, постдипломного образования по программам магистратуры, аспирантуры и докторантуры с последующей защитой диссертаций.

Приглашаю всех желающих и неравнодушных ученых и практиков к активному сотрудничеству.

**Ю. А. Клейберг,
Президент-ректор
Академии Национального образования и науки,
профессор**

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТРЕБОВАНИЯ ВЫСШЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ (ВМАК) К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Требования ВМАК к подготовке научных статей для публикации в журналах полностью согласуются с требованиями ВАК Российской Федерации.

Структура научной статьи зависит от особенностей исследований и ее тематики. Для размещения труда в один из ВМАК-журналов, следует придерживаться следующей схемы:

УДК (система кодировки, позволяющая легко найти публикацию в любой базе, библиотеке)

Цветное ФОТО 4х6 см (не официальное)

ЗАГОЛОВОК (заглавными буквами)

Аннотация к работе

Ключевые слова

Основной текст (состоит из вводной части, данных о проводимых исследованиях, выводов)

Список литературы (на русском и английском яз.)

Графический материал (при необходимости)

Сведения об авторе

Согласно требованию п.13 Положения «О порядке присуждения ученых степеней», вступившим в силу в начале 2014 года, минимальное количество научных публикаций по теме диссертационного исследования зависит от его направления (шифра по паспорту специальностей).

С 01.02.2021 г. произошли изменения в требованиях по количеству ВАК-статей для защиты докторских диссертаций:

➤ для защиты научно-исследовательских работ по химическим, физико-математическим, биологическим наукам – 5 статей;

➤ для докторских диссертаций по аграрным, медицинским, техническим наукам – 3 статьи;

Заголовок (заглавие). В этой части указывается полное ФИО автора(ов), название вуза/научного учреждения, где готовилась работа.

Аннотация

Основные структурные элементы аннотации – это:

- предмет исследования, тема, цель статьи;

- методология проведения работы;
- результаты экспериментов;
- область применения полученных результатов;
- выводы / заключение.

Аннотация представляет собой сжатое изложение сути материала. Ее допустимый объем до 600 слов. Если аннотация написана на 2-х языках, то первым располагается русский вариант, за ним следует английский.

Условные обозначения, сокращения употребляются очень редко, с обязательной расшифровкой после первого упоминания в тексте документа.

Ключевые слова. Указываются на двух языках – русском и английском. Задача автора – подобрать словосочетания, максимально точно отражающие предметную область документа. Ключевые слова/словосочетания разделяются запятой.

Рекомендуемое количество — от 5-12 слов. Они располагаются после аннотации в новой строке и разделяются «;». **Английский набор следует после русского.**

Графический материал. Наглядный материал (графики, схемы, диаграммы, рисунки и т.д.) – обязательное условие при написании научной статьи. Автор группирует материал в отдельных файлах, контролируя качество представленной информации. Количество графических изображений – не более 5.

Если изображение не является авторским, нужно указать источник, откуда оно взято.

Сведения об авторе. ФИО автора(ов) научной статьи, занимаемая должность, ученая степень, место работы указывается на двух языках – русский и английский, а также E-mail, ORCID.

ФИО набирается строчными буквами, полужирным курсивом. Остальные данные — с новой строки, строчными буквами, курсивом. Выравниваются по левому краю.

Вводная часть. Методы решения выбранной научной задачи, и новизна исследований на практике и в теории.

Данные о проводимых исследованиях.

- Текст набирается в редакторе Microsoft Word.
- Используется шрифт Times New Roman, размер –14, интервал – 1,5.
- Допускаются параметры страницы: формат А4 с книжной ориентацией; размер полей: левое от 30 мм, правое от 10 мм, верхнее и нижнее — 20 мм.
- Основной текст выравнивается по ширине листа, заголовков — по центру заглавными буквами и полужирным шрифтом. Выравнивается по центру листа.
- Сокращения и аббревиатуры расшифровываются при их первом упоминании.

Подробное описание исследований автора(ов), опирающееся на предыдущие эксперименты в указанной отрасли. Таблицы, графики, формулы допускаются в случаях невозможности описания процесса проведенных экспериментов в текстовой форме.

Теоретическая научная статья должна содержать основные положения и мысли соискателя для углубленного анализа.

Выводы, рекомендации. Указываются ответы на вопросы вводной части и демонстрируются подробные выводы насчет области исследования.

Список литературы. Список литературы – это обязательная структурная единица научной статьи.

Автор(ы) указывает **в алфавитном порядке** все работы, использованные при

написании документа. Основная задача автора(ов) – использовать актуальные, современные источники, так как пренебрежение этим правилом вызывает сомнение о целесообразности публикации статьи в соответствующем журнале.

- Источники разделяются по видам: законы и нормативные акты, научные статьи, монографии, материалы конференций. Их расположение в списке идет по юридической силе.

- Источники каждого вида располагаются в строго определенном порядке: по алфавиту, по фамилии автора, по названию сборника, альманаха, если автор не указан.

- Инициалы и фамилия всегда разделяются пробелом.

- Обязательна сквозная нумерация.

- Порядок расположения различных источников: российские издания, зарубежные, электронные.

Каждый источник из списка должен упоминаться и иметь ссылку в тексте статьи.

Согласно требованиям ГОСТ, литературные источники указываются в строгом алфавитном порядке.

- ✓ ***Ссылка*** представляет собой цифру в квадратных скобках. Цифра — это номер источника, который расположен в списке ссылок в конце работы. Пример: [5].

Иногда автор ссылается на конкретную страницу источника. Тогда ее номер проставляется в скобках через запятую. Пример: [5, с.36].

- ✓ ***Сноски*** обозначаются звездочкой «*».

На странице можно разместить не больше трех сносок.

Нумерация сносок (если больше одной) производится арабскими цифрами. Точка после цифры не ставится.

Текст сноски короткий и содержательный.

Ссылки и сноски размещаются сразу после выражений, которые они объясняют.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Отправка автором статьи в адрес редакции журнала с предложением опубликовать ее, расценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

- ✓ воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на воспроизведение);
- ✓ распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);
- ✓ импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);
- ✓ публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);
- ✓ переводить Произведение (право на перевод);
- ✓ переделывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на возмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

Оплата за публикацию статьи осуществляется на карту Сбербанка по телефону +7(965) 722-38-68 или переводом по платёжной системе «Золотая Корона» (для стран СНГ).

Контакты редакционной коллегии:

Главный редактор – профессор **КЛЕЙБЕРГ Юрий Александрович.**
E-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

ISSN: 2782-1587

ВОПРОСЫ ДЕВИАНТОЛОГИИ

№ 4А (19), 2023 (online)

На обложке фото – Вознесенская Церковь. г. Калязин. Тверская область

**Издательство
Академии Национального образования и науки**

Подписано в печать: 01.07.2023.
Формат 70x108/16. Усл. п.л. 7,5.
Тираж 500 экз. Выход в свет: 02.07.2023.
Заказ № 35.
Цена договорная
